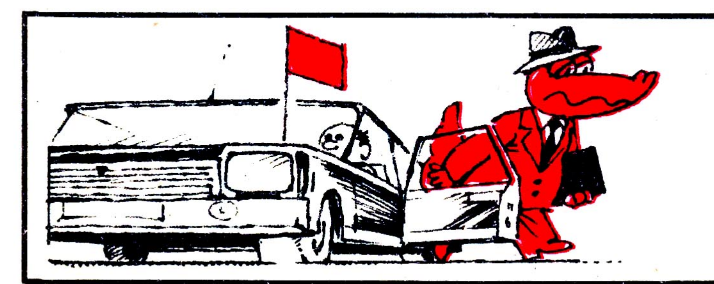

ISSN 0130-2671

№ 32 НОЯБРЬ 1989

— Почему остановили стройку?
— Никак не найдут язык межнационального общения!

В. ШКАРБАН, А. ДЕГТЯРЕВ (тема).

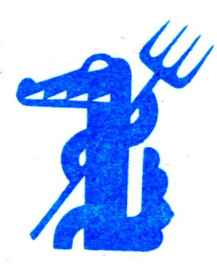

ТАЙНЫ ПОСОЛЬСКОГО ДВОРА

Стр. 12.

КРОКОДИЛ

№ 32 (2654)
ноябрь 1989

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

Технический редактор
Л. И. КУРЛЫКОВА

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Сдано в набор 10.10.89.
Подписано к печати 17.10.89.
А 00386.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 200 000 экз.
(1-й завод: 1 — 2 600 077).
Зак. № 1391.
Цена 30 коп.

НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП-4, Москва,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», гор. Свердловск, проспект Ленина, 49.
Тираж 5 300 000 экз. (4 завод 4 000 001—5 300 000). Зак 1858

ВПЕРЕД... К ЛУЧИНЕ?

«Уважаемая редакция журнала «Крокодил»! Обычно я с удовольствием читаю ваш журнал, но № 22 меня очень удивил. Во-первых, дружеский шарж на академика Велихова и неудачный юмор относительно закрытия АЭС и ГЭС на первой странице... Видно, что редакция идет на поводу у атомных ведомств и защищает их интересы. В тот момент, когда население страны решительно выступает за безопасность в атомной энергетике...

Ю. КОТОВ, Ростов-на-Дону».

Уважаемый товарищ Ю. Котов!

Начнем с «во-первых». Неясно, нравится вам дружеский шарж на академика Велихова или нет. Да и сам академик по этому поводу не огорчился. Так что редакция остается в недоумении.

Что касается «во-вторых», то спешу уведомить вас и всех читателей, что редакция не продалась «атомным ведомствам». Хотя бы потому, что в следующем, 23-м номере, журнал напечатал фельетон «Путешествие дилетанта», в котором ясно и недвусмысленно высказался против Крымской атомной электростанции. Причем надо отметить, что это уже второе наше выступление по этому весьма серьезному поводу. Ни атомному, ни какому-либо другому ведомству «Крокодил» не благоволит, о чем могут свидетельствовать его многочисленные публикации с критикой и Минэнерго, и Минатомэнерго, и Минхимпрома, и бывшего Минводхоза (ныне возродившегося под именем Минводстроя), и прочих «минов», которые подкладывают мины под нашу с вами среду обитания. Так что тут мы, как говорится, вне подозрений. Поэтому поговорим о другом.

Допустим, мы закроем все атомные электростанции, потому что они опасны с точки зрения радиации. Заодно прихлопнем все ГЭС, поскольку они связаны с обводнением больших территорий. Ну, а ГРЭС нам уж сам бог велел стереть с лица земли: ведь они, сжигая уголь, загрязняют атмосферу.

Что мы после всего этого станем делать? Огонь получать с помощью трения. В комнатах поставим «буржуйки». Ездить станем на волах или на худой конец на верблюдах. Если удастся поймать и убить медведя, сдерем с него шкуру и напялим на себя. Правда, медведей, говорят, в лесах стало совсем чуть-чуть, а волков и вовсе всех повывели. Но ничего, есть собаки, их теперь много в городах... Вот насчет еды туговато — куда мы без тракторов и комбайнов, без автомобилей и мясокомбинатов? Разве что грибы в лесу собирать, так ведь и грибов на всех не напасешься...

Нет, все-таки со светом и с электроэнергией лучше. Как-то привычнее. Человек так привязался к цивилизации, что без нее ему будет неуютно. Холодно, голодно и скучно.

А ведь именно об этом был рисунок на обложке 22-го номера.

И все же вы, тов. Котов, несомненно, правы в одном: «Население страны решительно выступает за безопасность в атомной энергетике». И мы, крокодильцы, выступаем за то же. И не только в атомной энергетике. В любой сфере деятельности человека безопасность превыше всего. Вспомните серию взрывов на железных дорогах. Вспомните множество выбросов на химических и прочих заводах. Вспомните загубленные реки и леса, поля и моря.

Нет, не цивилизация, не технический прогресс (который, уж поверьте моему слову, остановить нельзя) виноваты во всем этом. Виноваты непродуманность, некомпетентность, разгильдяйство, халатность и безответственность. Виноваты люди, обладающие всеми этими качествами. Вот этих-то людей и надо остановить! Не давать им власти! Только мудрость и компетентность, продуманность и взвешенность — вот гарантия безопасности, гарантия предотвращения экологической катастрофы.

Юрий БОРИН,
редактор отдела экономики.

ТОВАРЫ ПОВЫШЕННОГО СПРОСА — **В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ, В. ВЛАДОВ (тема).**

ПО ТОМУ ЖЕ ПОВОДУ

НИТРАТНЫЕ БОМБЫ на прилавках овощных магазинов

Минувшим летом в Ленинграде была проведена крупная операция по обезвреживанию целой партии арбузов. В них оказалось слишком много нитратов.

...Ах, эти нитраты! Борьбу с ними Крокодил ведет уже четвертый год. В недавней публикации (№ 15), которая называлась «Плоды допущения», речь шла о причудливой нестабильности минздравовских директив касательно предельно допустимых концентраций (ПДК) этих вредоносных веществ. То Минздрав устанавливает жесткие нормы ПДК, то, спустя некоторое время, их резко смягчает. Как верно заметил наш читатель А. Язов из г. Рубцовска, делает это Минздрав «в угоду административно-бюрократической системе».

Материал «Плоды допущения» имел этакий игриво-предположительный подзаголовок: «Может быть, в последний раз о нитратах?» Дело в том, что несколько кооперативов начали выпускать бумажные нитратомеры, которые, подобно лакмусовой бумажке, краснеют при соприкосновении с нитратами. Однако химик В. Бочаров из Минска сообщил, что эти бумажки, оказывается, краснеют не только от нитратов, но и от долгого хранения. Да и показывают они не точно. Словом, типичное не то.

Но где же **то**? Ведь еще в 1986 году был в системе Росагропрома создан особый «Росагроприбор», на который возложили задачу разработать прибор-нитратомер, работающий надежно и точно.

Однако прошло три года, а прибора нет.

После публикации Минздрав СССР пригласил корреспондента Крокодила принять участие в совещании специалистов стран — членов СЭВ по нитратам. На совещании говорилось, как это ни странно, что, во-первых, «гигиенические уровни допустимого содержания нитратов в пищевых продуктах безопасны для здоровья населения». При этом почему-то умалчивалось, что упомянутые «гигиенические уровни» в каждой стране различны, а в нашей стране они то и дело повышаются. Может, на нас просто ставят эксперимент? Но не лучше ли сперва попробовать на кроликах?

А во-вторых, «Госагропром СССР обязан обеспечить гарантию качества каждой партии продуктов, а санэпидслужба проводит лишь выборочный контроль». (Цитируется по официальному ответу начальника санитарно-профилактического главка В. И. Чибураева от 30 июня 1989 г.) Но если Госагропром СССР, как известно, канул в Лету, то, спрашивается, кто и каким образом будет гарантировать качество КАЖДОЙ партии продуктов, поскольку санэпидслужба проводит лишь «выборочный контроль»?

Крокодилу, а вместе с ним и всему населению Советского Союза небезразлично, какие продукты поступают к нам на стол. Может быть, Совет Министров СССР определит, кто и в какой степени должен нести ответственность за качество сельскохозяйственной продукции, которую мы едим? И вообще, не пора ли закрыть тему об опасной передозировке нитратов?

ЛЕД ТРОНУЛСЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НЕЛИКВИДОВ

В № 22 мы поместили фотографию: самосвал сбрасывает на свалку кучу обуви и другого добра, принадлежащего Елецкому железнодорожному отделу рабочего снабжения.

На публикацию отозвался начальник службы снабжения управления рабочего снабжения Юго-Западной ж.д. П. Соколов. Оказывается, выбросили на свалку товары, «не пользующиеся спросом, устаревших фасонов, моделей, частично потерявшие товарный вид. Елецким ОРСом неоднократно проводилась уценка этих товаров», но никто, как свидетельствует тов. Соколов, их не покупал. После чего их бросили в подвал, который арендовал Елецкий ОРС. Но тут случилась авария канализационной и водопроводной системы, и в подвале «произошло затопление и порча товаров». В результате их не взяли даже во «Вторсырье». И тогда, как пишет П. Соколов, «руководством ОРСа НОД-4 было принято окончательное решение об их списании и уничтожении». То есть вывозе на свалку.

Тов. Соколов завершает свой рассказ сообщением, что «данный факт был рассмотрен с участием руководства дороги, транспортной прокуратуры, органов ОБХСС, заслушано объяснение начальника Елецкого ОРСа т. Макарова Е. А. Намечены меры по недопущению подобных фактов».

Как явствует из письма, причиненный ущерб в сумме 5,9 тысячи рублей управление рабочего снабжения взыскало с «НГЧ-4 через арбитраж МПС». Возникает вопрос: а почему бы не взыскать ущерб не с таинственного НГЧ-4, которое, судя по всему, учреждение, а с конкретных виновников. И не через арбитраж, а через суд.

И еще один вопрос. В письме сказано, что «заслушано объяснение начальника ОРСа т. Макарова». Так что же объяснил тов. Макаров, и насколько удовлетворилась этим объяснением служба рабочего снабжения? И о недопущении чего хлопочет эта служба — списания, уценки или затопления подвала? А может, лучше не допускать, чтобы ОРСы принимали заведомо никому не нужные товары?

ХРЕН РЕДЬКИ НЕ СЛАЩЕ

Сначала был фельетон «Сцены у фонтанов, или Беспризорный курорт» (№ 32, 1988 г.). О том, что в речку Подкумок, питающую ресурсы Кавказских минеральных вод, разные предприятия сбрасывают свои сточные воды. Представляете, какие минводы приходится пить многочисленным отдыхающим на этом прославленном курорте! Многие ведомства дали ответ о принятых мерах, и мы эти ответы опубликовали. Однако Минэнерго долго помалкивало. Но вот пришел ответ и из этого ведомства.

Оказывается, еще в сентябре 1987 года Минэнерго СССР издало приказ «О выводе Пятигорского опытного завода из г. Пятигорска». Это решение в начале 1988 года было согласовано со Ставропольским крайисполкомом и подтверждено Советом Министров РСФСР. Но, что самое интересное, вместо Пятигорского завода точно такой будет строиться в городе Минеральные Воды. Как говорится, хрен редьки не слаще. Неужели Минэнерго неведомо, что и Пятигорск и Минеральные Воды расположены в одной и той же зоне курорта Кавминводы?

Как сообщает заместитель министра А. Ф. Дьяков, «планируемые сроки строительства нового завода в г. Минеральные Воды — XIII пятилетка», а сейчас «институтом «Гипроэнергоремонт» Минэнерго СССР разработан Технико-экономический расчет вывода Пятигорского опытного завода, который в настоящее время в установленном порядке проходит экспертизу».

А может, лучше не надо? Ни экспертизы, ни строительства? А если уж строить позарез необходимо, то где-нибудь подальше от курортов.

«ОТПУСК С ВАРИАЦИЯМИ»

Пепельница постояла в центре стола, передвинулась влево, затем стремительно покатилась в правый угол, к бортику.

Токарь танкера «Игрим» А. Иванов заглянул в иллюминатор. За ним вздувалось серое покрывало моря Лаптевых, отороченное по горизонту белой кромкой льдов.

«Игрим» шел в порт, Иванов — в отпуск. Но где отдыхать? Нет путевки, нет семьи, нет дома. Незавидна судьба морского волка!

Об этом и написал в «Крокодил» судовой токарь А. Иванов. Мы поместили его письмо, озаглавив «Отпуск с вариациями» (№ 5, 1989 г.).

После этого наши читатели со всех концов страны стали приглашать судового токаря Иванова к себе на отдых. Письма с приглашениями шли непосредственно на танкер «Игрим», в Приморское морское пароходство и, конечно, в редакцию. Пришлось заводить специальную папку с надписью «А. Иванов», которая стремительно распухла от писем, как глубоководная рыба на поверхности, а отклики продолжали поступать.

Возьмем первое попавшееся письмо. Оно от Любови Андреевны Волковой из Ленинграда.

«Здравствуйте, уважаемая редакция!

Прочитала я о жизни Саши Иванова, и она меня очень взволновала. Я очень хочу ему помочь. Я на пенсии, а под Лугой у меня есть волшебный дом на берегу озера. Рядом — совхоз плодовоягодный, миллионер. Там все есть в магазине, кинотеатр шикарный и почта. Очень живописное место!

Саша! Я очень хорошая сваха, сделаем попытку для вашего счастья. В Ленинграде можете жить у меня в двухкомнатной квартире. Нас трое: муж, сын и я...»

Суров наш радиоактивный век с его некоммуникабельностью, озонными дырами и высокими ценами. Многие замыкаются в себе под гнетом геофизически неблагоприятных дней и бытовой тягомотины.

Но живы роднички душевной человеческой щедрости! Трое в двухкомнатной квартире готовы потесниться и принять в свою семью четвертого, незнакомого, потому что ему плохо.

«Уважаемый Саша!

Меня зовут Глебов Василий Васильевич, 40 лет. Живу в Ростове-на-Дону. Насколько я понимаю, у вас тяжело с жильем. Я знаю, что это такое, и поэтому приглашаю вас к себе. Я одинок, и если вы приедете, буду очень рад. Особых условий не предлагаю, так как живу в хате на 14 квадратных метрах, без удобств. Стеснять вас не буду, так как целыми днями на работе...»

Люди, что называется, готовы поделиться последним.

«Я приглашаю Сашу к себе на весь отпуск в Ульяновск,— пишет в редакцию Зубова Нина Тимофеевна.— Я хочу на время Сашиного отпуска заменить ему мать. Мне 65 лет. Пришлите мне его адрес или пошлите ему это письмо...».

Разыскивает А. Иванова семья Савельевых из Вильнюса, обращаясь к нему через редакцию.

«Здравствуй, Саша! Хотим, чтобы ты был с нами. Вместе легче. У нас ведь тоже никого родственников нет. Приезжай к нам насовсем. Наш дом будет твоим домом. Все будет хорошо, вот увидишь...»

Смотришь на груду этих писем, и светлеет на душе: а ведь много у нас добрых, чутких, отзывчивых на чужую беду людей!

Любовь Ильинична Лезина из Краснодара пишет чужому, незнакомому Иванову:

«Уважаемый Александр! У меня под Туапсе, в поселке Агат, в 3 километрах от моря есть дача, двухэтажный кирпичный домик, который почти весь год пустует. Конечно, жизнь сугубо деревенская, самому себя придется обслуживать. Если вас устраивает, приезжайте, живите...»

С аналогичными предложениями к Иванову обращается Михаил Васильевич Тищенко из Краснодарского края, семья Пироженко из молдавского города Бельцы и многие, многие другие. Всех перечислить невозможно.

А где же сейчас сам Иванов, что с ним?

Мы отыскали Александра в Находке, во время отпуска, который он там проводил. Первое, о чем попросил нас моряк,— это передать огромное флотское спасибо всем нашим читателям за то душевное внимание и сердечность, которые они проявили к судьбе одинокого человека.

Впрочем, Иванов уже не одинок. Да, да, за время отпуска он женился и, надеемся, будет счастливым семьянином.

Сейчас Александр снова в море, на своем танкере, среди полярных льдов. Тяготы морской жизни ему скрашивают воспоминания о чутких, добрых людях, которые радушно предложили моряку провести отпуск с вариациями.

Р. НИКОЛАЕВ.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЗОЛУШКА, или ОТ КАКОГО «НАСЛЕДСТВА» ХОРОШО БЫ ОТКАЗАТЬСЯ

Ирина СКОРОБОГАТОВА, специальный корреспондент Крокодила

С Денисом из Алма-Аты мы познакомились во Всесоюзном НИИ детских болезней. Мальчик с грустными глазами сидел на коленях у мамы и чутко прислушивался к разговору.

— Сколько тебе лет? — поинтересовалась я у маленького пациента.

— Скоро будет восемь,— четко ответил он.

Я заставила себя умиленно улыбнуться, но улыбка получилась вымученной. Денис страдает врожденной ломкостью костей, и больше четырех лет ему не дашь: настолько немощно, исковеркано и мало его тельце. И только глаза, пристальные, умные, не соответствовали общей убогости.

— Дети, пораженные этим наследственным недугом, отличаются исключительным интеллектом,— вмешалась в разговор лечащий врач, но радости в ее голосе я не услышала.

...Саша болен фенилкетонурией, то есть врожденным слабоумием. Вместе с мамой они приехали из Калининской области. Врачи пытаются ему помочь, но, увы...

...С молодой женщиной из Мурманска я даже не решаюсь разговаривать — настолько у нее удрученный вид. Ее судьбу мне поведал врач. Первый ребенок оказался наследственным дегенератом, но молодых родителей это не испугало. Родственники выдали клич: «Не отступать!», и вскоре на свет появился второй малыш. Диагноз тот же. Третий ребенок — снова беда. Маму поместили в клинику и после тщательного выяснения установили, что один из родственников мужа имеет наследственную дегенеративность, а сама она — носительница патологических генов.

А впрочем, что мы знаем о наследственных заболеваниях? Фенилкетонурии, фосфат-диабете, болезни Пелецеуса — Мерцбахера, Дауна, Моргана? Или о недуге с таким красивым названием, как «болезнь с запахом кленового листа»? Эти напасти покажутся большинству из нас энциклопедической редкостью.

Увы, напрасная эйфория! Ежегодно в нашей стране рождается две с половиной тысячи малышей, пораженных тяжелыми наследственными болезнями. Сравните эту цифру с известным СПИДом — он обнаружен у 337 советских граждан! Наследственных же болезней около трехсот. Но, передаваясь из поколения в поколение, они меняются, множатся, убивая и калеча наших детей, разъедая генетические корни нации.

Советская генетика прошла тернистый путь. Ее шельмовали, обзывая «продажной девкой империализма», ученых, посмевших задуматься над теорией наследственности, сажали в сумасшедший дом. Ее объявили «хламом и ложью в науке» (Т. Лысенко). Но с 70-х годов генетику реабилитировали, и вот уже двадцать лет ею занимаются открыто, создан Институт медицинской генетики, сформированы медико-генетические консультации. Так отчего же женщины у нас по-прежнему, как в каком-нибудь каменном веке, рожают уродов одного за другим?

И я отправилась во Всесоюзный центр охраны здоровья матери и ребенка. Показывая мне лабораторию клинической генетики, ее руководитель доктор медицинских наук В. А. Бахарев заметил:

— У нас трудятся три младших научных сотрудника в лаборатории и шесть врачей.

— Сколько? — не поверила я своим ушам.

Доктор повторил.

Для Всесоюзного центра более чем скромно. Именно поэтому на прием к врачу-генетику выстроился длиннющий хвост, а предварительная запись ведется за две недели. По данным современной медицины, супруги предпочитают заводить ребенка попозже, когда будет налажен быт. Но параллельно возникает опасность: чем старше родители, тем выше риск родить малыша с болезнью Дауна. В связи с этим, настаивают генетики, всем супругам после тридцати пяти лет, задумавшим обзавестись потомством, необходимо пройти специальное обследование. Наивное требование! Здесь, в коридорах центра, я убедилась, что смешно говорить о массовом обследовании, когда дай-то бог попасть на прием тем, кто уже произвел на свет одного калеку и мечтает о втором здоровом ребенке.

— Мы можем помочь лишь одной трети наших пациентов,— объяснили мне в лаборатории,— поскольку каждый лаборант «вытянет» только сто двадцать анализов в год, а надо бы триста шестьдесят.

Обращаться в областные медико-генетические центры несерьезно. Их наскребется не более десятка, и большинство снабжены в лучшем случае школьными микроскопами. Правда, ожидая приема в больничных коридорах, больные могут насладиться чтением научных трудов, изданных Институтом медицинской генетики АН СССР. За двадцать лет существования этим институтом было выпущено 13 монографий, полторы тысячи статей. Но при этом так и не создана клиника, и вместо обещанной густой сети медико-генетических центров, где нуждающиеся получили бы практическую помощь, жалкие закутки в женских консультациях.

— У нас нет реактивов, оборудования, приборов, а без них немыслима современная наука. Все это закупается за рубежом, поскольку отечественная промышленность ничего не выпускает. Но если даже и прольется золотой дождь, он не спасет. В практической генетике нет кадров. Высшая школа не готовит специалистов, а те единицы-энтузиасты, что идут работать в консультации, сбегают, ощущая полную беспомощность,— сказал председатель Совета медицинских генетиков при Минздраве СССР, заместитель директора Всесоюзного центра охраны здоровья матери и ребенка доктор медицинских наук, профессор Ю. И. Барашнев.— Конечно, оборудование очень дорогое, но за рубежом подсчитали, что еще дороже содержать дегенератов.

Добавим, что наплевательское отношение к генетике в нашей стране тоже влетает в копеечку. Так, в СССР имеется 273 дома-интерната для детей с умственной отсталостью и врожденными уродствами. Всего 62 000 коек. На содержание этих детей в 1988 году было выделено 139,1 миллиона рублей. С каждым годом денежные ассигнования растут.

Сколько лекарств, современных приборов, реактивов можно было бы приобрести на эти деньги! Сколько специалистов подготовить! Ведь, что греха таить, даже самой вкусной кашей не откупишься от тех, кого произвели на свет для страданий.

Устроить ребенка в интернат почти невозможно, поэтому многие живут дома. А рядом с ними матери-страдалицы — отцы, как правило, покидают тонущий семейный корабль. Инвалидам по наследству не полагается даже пенсия, поскольку их болезни не значатся ни в одном из такого рода списков. А лекарства очень дорогие.

Лечить наследственные болезни сложно. Ничтожное число везунчиков может попасть во Всесоюзный НИИ детских болезней, потому что отделение наследственной патологии насчитывает 60 коек.

— У нас есть схемы лечения многих заболеваний,— рассказывала мне зав. отделением Л. З. Казанцева,— но мы не можем их внедрять. Врачи на местах не имеют лекарств и соответствующей подготовки.

Во всем мире в родильных домах проводят скрининг для выявления младенцев, больных фенилкетонурией. Делается это очень просто: из пятки малыша берется капелька крови — и врач узнает, кому грозит черная пропасть слабоумия. В первые недели жизни эта болезнь может быть вылечена. И только в нашей стране имеются инвалиды от запущенной фенилкетонурии, поскольку скрининг проводится лишь в считанных родильных домах крупных городов. Объяснение традиционно: нет реактивов, нет обученного персонала. Вот только легче ли от этого Саше и его маме, о которых я рассказала вначале?

Бедность нынешних практикующих генетиков потрясает. Их селят в закутки, милостиво выделяемые в консультациях «Брак и семья» и женских поликлиниках. Врачи горько шутят, что уже научились распознавать болезни без анализов, а просто по лицам. Даже нянечка может определить фенилкетоны по специфическому мышиному запаху, исходящему от волос больного ребенка. Правда, на этой стадии ему ничем уже помочь нельзя. «Если раньше у нас не было генетики по идеологическим причинам, то сейчас ее нет вообще» — в этой невеселой шутке есть немалая доля правды, поскольку официально статус врача-генетика был утвержден только в 1988 году. Да-да! Несмотря на звонкие реабилитации, генетика все-таки оставалась «девкой», не допущенной к барскому академическому столу.

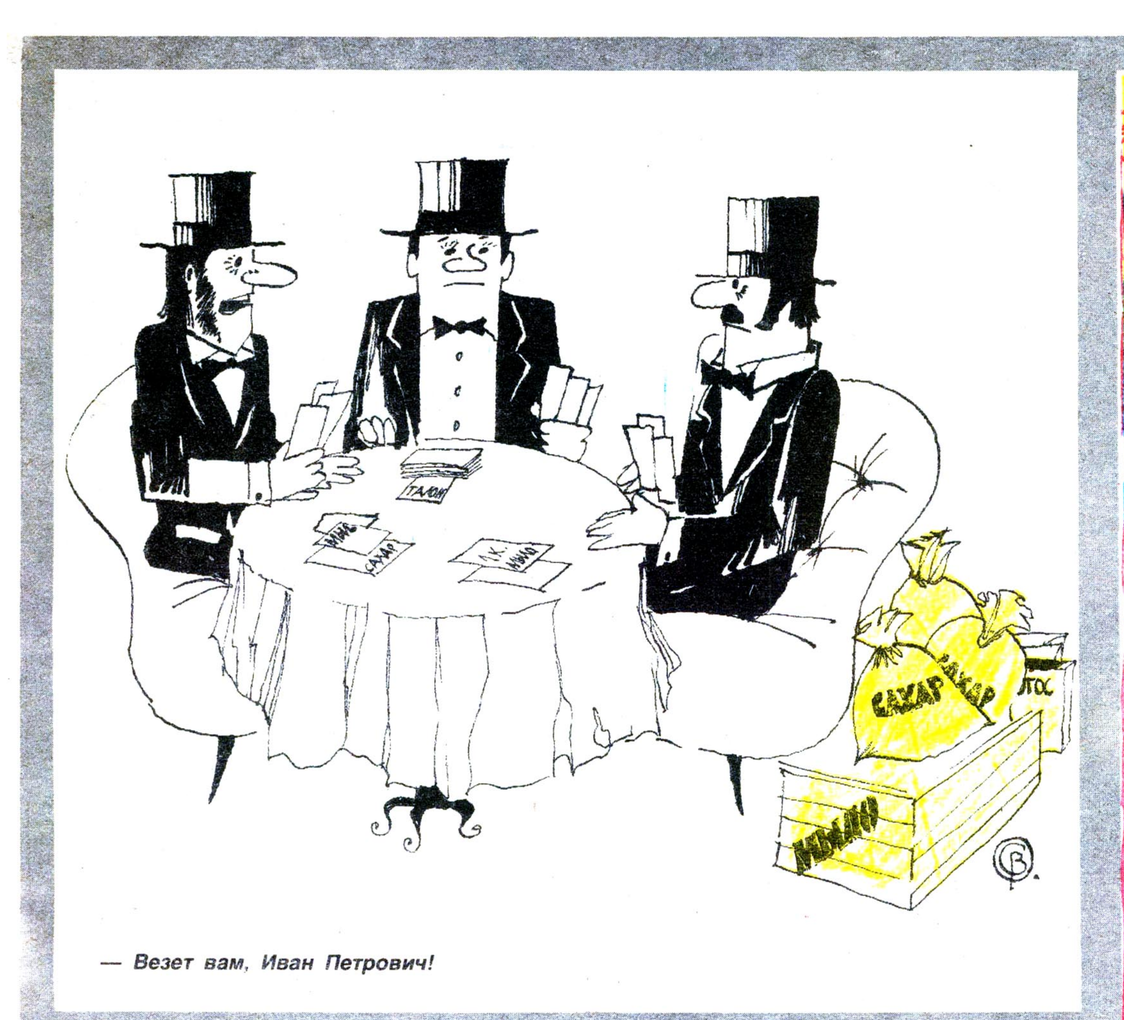
— Состояние нашей практической генетики катастрофическое,— заявил мне при встрече главный генетик Москвы Г. Г. Гузеев, — мы постоянно боремся за существование. С трудом пробиваем центры, приборы, лекарства.

— Наследственная патология выпирает, и не замечать этого больше нельзя,— сказал главный генетик Минздрава РСФСР П. В. Новиков.— Двадцать процентов детских коек занято пациентами с врожденной патологией, а на нас по-прежнему смотрят, как на хранителей редкостей.

Наследственные болезни подрывают золотой генетический фонд нации, так почему же до сих пор мы не желаем всерьез задуматься о судьбах поколения? Разве не милосерднее произвести на свет умного, талантливого, красивого человека и предотвратить появление идиота, который, кстати говоря, имеет свойство активно плодиться? Наука утверждает, что в каждом человеке блуждает до пяти процентов вредоносных генов, способных в любую минуту жестоко и безнадежно изуродовать наших детей, внуков, правнуков, а между тем предотвратить катастрофу — вполне реальная задача.

Сейчас много говорят и пишут о домашнем враче. Прежде всего им должен стать генетик, досконально знающий наследственные болезни своих пациентов.

Посещение палаты, где лежат младенцы с врожденными уродствами, мне напомнило просмотр фильма ужасов. Расплывшиеся лица, выпученные глаза, пальчики-щупальца — все они наши дети, а точнее, жертвы родительской беспечности, врачебного бессилия и государственной халатности. Поэтому и начинать решение тяжелой проблемы надо именно государству.

— Везет вам, Иван Петрович!

— Выпускники! Чтобы перейти во взрослую колонию, нужно хорошо поработать!

▲ С. ОПОЛЕВ, г. Свердловск.

В. МИХАЙЛОВ, ▶ Московская область.

◀ И. НОВИКОВ, В. АШМАРИН (тема), г. Свердловск.

Т. ЗЕЛЕНЧЕНКО, г. Харьков. ▼

ТРУСЦОЙ НА ПАРНАС!

Зря искали мы врагов
У далеких берегов.
Нам вредят другие ШТАТЫ —
В министерствах бюрократы.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Раз валом
План кончается.
Развалом
Все кончается!

Евг. Банников, пенсионер, г. Мариуполь.

Ну и выдался денек!
Ох, дебаты!..
Не ходил бы ты, Ванек,
В депутаты!

Б. Сидоров, механик, г. Апшеронск.

ПРЕСТУПНИК

Зайчишка забежал в колхозный огород.
«Морковку съел! Хватай его, народ!»
Преступника ловили две недели.
За это время волки телку съели.

В. Зубихин, слесарь, г. Волгоград.

Дело б делать с умом — не с умишком.
Не всегда проявлять надо прыть.
Перестроился первым наш Тришка:
Он решил свой кафтан не чинить.

Л. Шиповничек, художник-оформитель, г. Киев.

Во ВНИИ «Напрасный труд»
В ногу с временем идут —
Создан кооператив
Под названием «Сизиф».

В. Королев, юрист, г. Уфа.

О ВЫБОРАХ

Вдвойне возрос свободы дух,
Где избран был один из двух.
Во сколько ж раз возрос он там,
Где выбирали сто из ста?

О. Гардюта, слесарь, г. Невинномысск.

Чтоб в заблуждение
народ наш не вводить
(попал в больницу я,
отведавши салата),
«Дары полей» логично заменить
Названием: «Дары химкомбината».

А. Мандрык, инженер, г. Киев.

Мне рассказывали деды
Про бесплатные обеды.
Внукам свойственна практичность:
Туалеты — за наличность!

М. Галкин, строитель, г. Советская Гавань.

СВИНАЯ ОТБИВНАЯ

В ресторане угостили
Отбивною скверною.
Это лакомство отбили
У свиньи, наверное.

И. Калитина, библиотекарь, г. Москва.

Изобретен был многотонный пресс.
— Ваш пресс
имеет слишком малый вес, —
Сказали автору в каком-то главке. —
Соавторов весомых нет в заявке.

Н. Рябов, плавильщик, г. Братск.

Глядя на женщин, несущих «Дарью»,
От радости ставших красивыми,
Понял: чем меньше опять нам дали,
Тем легче нас сделать счастливыми.

С. Скарабевский, фельдшер, г. Архангельск.

Мы поработали неплохо,
Не зная ни ночей, ни дней,
И докопались до корней.
...С чего же дерево засохло?

А. Анисенко, учитель, г. Кузнецк.

Виктор ПОДКОВА,
специальный корреспондент Крокодила

ВОРУЙ, МАГОМЕД!

ОТКРОВЕНИЯ РАБОТНИКА ОБЩЕПИТА, СТАВШЕГО КООПЕРАТОРОМ

В душе Магомед был честным человеком. А в суровой действительности — заведующим кафе № 15 г. Грозного. Душа его рвалась делать из одного килограмма мяса только полтора килограмма котлет, а суровая действительность понуждала стряпать восемь. Почему именно восемь, а не семь и не девять?

— Согласно числу контролирующих инстанций,— сделал чистосердечное признание Магомед.— Чтобы положить себе в карман сто рублей, надо своровать восемьсот.

Это не было чистосердечным признанием, которое смягчает вину пойманного за руку жулика. Никто никогда Магомеда не ловил. Это были слова человека, который искренне поверил в перестройку. Поэтому он, наверное, и не понуждал корреспондента Крокодила закодировать его, скажем, буквой «М». Наоборот, просил обозначить полным именем — Кузигов Магомед Абдулвагаевич.

До встречи с Магомедом мне, как и всякому дилетанту, представлялось: работа заведующего кафе состоит в том, чтобы руководить недовложением продуктов в супы, бифштексы и компоты. На самом же деле ему этой мелочевкой заниматься недосуг. Весь рабочий день уходит на то, чтобы встречать и провожать «гостей».

Напомним, однако, что в душе Магомед был честным человеком. И можно себе представить, как возликовала его душа, когда был опубликован проект Закона о кооперации в СССР! Организация кооператива на базе убыточного кафе сулила Магомеду будущность честного человека, возможность заработать деньги себе и государству, а также уважение клиентов. И он с согласия инстанций зарегистрировал первый в республике кооператив «Беркат», что в переводе на русский означает «Доброта».

Первыми доброту почувствовали клиенты. Они густой толпой повалили в кафе, привлеченные вкусными и недорогими обедами. Но, как говорится, недолго музыка играла... Инстанции, оглушенные дерзким Законом о кооперации, вскоре пришли в себя. И обнаружили, что Магомед отучился встречать «гостей», но, засучив рукава, трудится на кухне и следит, чтобы в котлетах было как можно больше мяса. В связи с этим на кафе посыпались проверки. Но кооператорам воровать не имело смысла, а значит, и бояться было нечего. И проверяющие удалялись несолоно хлебавши. Инстанции, конечно же, затаили на Магомеда черную обиду...

И вот осенью 1988 года давешняя обида разразилась над Магомедом проливными несчастьями. Перво-наперво главный санитарный врач г. Грозного обнаружил, что в кафе не работает канализация, и запретил дальнейшую эксплуатацию помещения. Пока решался вопрос о ремонте, кооператоры принялись торговать шашлыками на вынос, но тут же почувствовали пристальное внимание работников ОБХСС, а конкретно старшего лейтенанта Заводского РОВД Шамсутдинова. После него проверяли другие инстанции, и вскоре все выносные точки кооператива «Беркат» были прикрыты под различными надуманными предлогами. В связи с этим хочется упомянуть два любопытных документа, подписанных заведующей отделом торговли горисполкома Л. Захаровой. В первом она утверждает, что разрешение на торговлю шашлыком дают только райисполкомы. А через месяц подписывает другой документ — разрешение на право торговли шашлыком с лотка кооперативу «Беркат».

Вскоре вокруг кафе вырос целый поселок, именуемый в народе «нахаловкой». Обитатели «нахаловки», воспитанные в соответственном духе, начали частенько захаживать на территорию кафе каждый по своему делу: одному понадобится пару листов шифера с крыши содрать, другому — просто стекло разбить от избытка удали... Кооператоры написали заявление в милицию. Обитатели «нахаловки» не выдержали и избили повара Л. Льянову и буфетчицу Л. Пятаеву.

И напрасно кооператоры бегали в милицию, вплоть до МВД Чечено-Ингушской АССР, и в прокуратуру, вплоть до республиканской. Разговаривать с ними не хотели, а на письменные заявления они получали единообразные отписки. Вот одна из них, подписанная начальником отдела охраны общественного порядка МВД республики Ш. Гавгаевым: «Сообщаю, что доводы, изложенные в Вашем заявлении, о якобы имевших место противоправных действиях жителей прилегающего к кафе «Беркат» жилого массива С. Хасбулатова и С. Аназаевой, а также продажи ими по спекулятивной цене спиртных напитков и сигарет, проведенной проверкой не подтвердились».

Видимо, т. Гавгаев не знал, что за неделю до этого начальник Ленинского РОВД Б. Чернявский по этому же поводу ответил следующим образом: «Сообщаю, что проведенной проверкой факты, изложенные в заявлении, частично подтвердились...»

На этом несчастья Магомеда, однако, не кончились. Директор объединения общественного питания А. Тагиров, именуемый в дальнейшем арендодатель, решил в одностороннем порядке расторгнуть договор с председателем кооператива М. Кузиговым, именуемым в дальнейшем арендатором. Свое решение арендодатель мотивировал тем, что арендатор умышленно засорил канализацию. Напрасно арендатор предъявлял акт авторитетной комиссии, которая пришла к заключению, что виноваты строители и проектировщики: канализация выполнена без уклона, и стоки, согласно закону всемирного тяготения, не хотят течь в гору. Арендодателя поддержал Ленинский райисполком в лице председателя Р. Таштамирова и его заместителя С. Белотеловой. Они грозились закрыть кооператив и понуждали кооператоров ремонтировать здание за свой счет.

И уж совсем отчаянной выглядела попытка Магомеда, когда он попросил горисполком отвести ему под огород болотистый пустырь, примыкающий к кафе. Главный архитектор города Д. Кадиев вдруг воспылал к этому заброшенному пустырю необычайной любовью. Выехав на местность и кое-что прикинув на глаз, он повелел урезать и тот участок, что уже принадлежал кооперативу, да еще перенести с места на место кой-какие постройки. Хорошо еще, что не предписал двинуть метров на двадцать в сторону само здание кафе.

— Ох, как бы я снова не начал воровать! — вздыхал Магомед, из последних сил удерживаясь от этого шага. В отчаянии он обратился за помощью к зампредседателя горисполкома Ашуеву и зампредсовмина республики Айдинову, которые каждый на своем уровне просто выставили его из своих кабинетов.

Теперь председатель кооператива «Беркат» находится на грани срыва.

«Не воруй, Магомед!» — призывает его совестливая душа.

«Воруй, Магомед!» — прижимает суровая действительность.

г. Грозный.

От редакции. Пока материал готовился к печати, почта принесла любопытное известие. Госарбитраж удовлетворил иск кооператива «Беркат» к объединению общественного питания г. Грозного, которое обязано теперь выплачивать кооперативу около 20 тысяч рублей за вынужденный простой.

Н. РЫНДИЧ,
специальный корреспондент Крокодила

ТВОРОГ С ТАБЛИЦЕЙ МЕНДЕЛЕЕВА

С детства я вдрызг распропагандирован по части алкоголя. Давно и твердо усвоил, что алкоголь — яд. В противоположность молоку, которое сплошь целебно.

Рюмка водки, говорят, отнимает три дня жизни. А стакан сметаны прибавляет столько же. Хочется есть сметану банками, каждый день и везде. Даже в командировках.

Я как приехал в Кемерово, так сразу — хлобысть! — стакан сметаны в гостиничном буфете. Для начала. А мне какой-то добрый человек, сосед по столику, говорит:

— Вы бы полегче, гражданин. Тут на почве сметаны такое было...

Взял я тогда пару бутылок «Буратино», и мы с ним разговорились.

Оказалось, не так давно Кемеровский гормолзавод № 2 угостил желающих продлить себе жизнь особой сметанкой. Что тут сделалось! На улицах города под вой сирен закрутилась карусель из автомобилей с красными крестами. Госпитализировались целые семьи. Детские сады в полном составе переселялись в больницы. В градусниках бушевали ртутные столбики, отмечая у пациентов плюс 39—40 по Цельсию.

Более тысячи людей оказались на больничных койках с явными признаками дизентерии. Правда, «угощение» обошлось без жертв, и поэтому возбужденное уголовное дело было прекращено. Ограничились увольнениями, административными и материальными наказаниями непосредственных виновников происшедшего. На гормолзавод № 2 косяком ринулись комиссии.

В цехах их встречала безраздельно царящая здесь антисанитария. Она трясла моднющей юбкой, сшитой из штрафных квитанций и решений о приостановке работы предприятия, которыми стремились задавить антисанитарию работники городской санэпидстанции.

Члены комиссий передвигались по заводу гуськом, как горовосходители: иной способ передвижения не допускала жуткая теснота в цехах, набитых изношенным оборудованием. Из молочных танков, раскрашенных желтыми разводами ржавчины, капали молочные слезы. Пастеризованное и сырое молоко перегонялось по одним трубам-артериям, хотя это категорически запрещено правилами. Санконтроль ахнул, обнаружив кишечную палочку в якобы чистых цистернах, готовых для приемки пастеризованного молока.

После этого завод подвергся штурмовой «реконструкции». Старое оборудование обновили лишь наполовину, и по-прежнему не хватало воды для мытья фляг и резервуаров. Ночью мне приснилась кишечная палочка размером с городошную биту, которая гонялась за мной до самого утра...

На другой день, стараясь не растерять убежденности, что истинный яд все-таки алкоголь, я помчался смотреть другое кемеровское молочное предприятие — гормолкомбинат № 1. Может быть, там разным бациллам поставлен броневой заслон? Но в отделении цеха, где делали творог, я мысленно дал себе клятву никогда не прикасаться к продукции этого предприятия.

Ванны для сквашивания творога не имели крышек. Они стояли нараспашку, открытые всему миру и дождевым потокам. Потому что над ними нависла крыша цеха, сквозь которую по ночам можно наблюдать звездное небо. А на крыше в результате выбросов местных заводов собралась вся таблица Менделеева, перемешанная с пылью. Пыль можно было прессовать в брикеты и продавать за валюту, но в твороге она совершенно ни к чему. Требуется поддать пару для тепловой обработки молока, но его не хватает: реконструкция котельной все время откладывается. Запастись впрок водой на случай перебоев в сетях горводопровода тоже невозможно: вопрос строительства запасного резервуара решается с 1973 года. Нет на молкомбинате и системы обеззараживания воды...

Эта экскурсия начисто отбила у меня желание продлевать себе жизнь посредством кемеровских молокопродуктов. Но куда смотрят местные власти? Может, они не знают о состоянии здешних молочных производств?

Да нет, вроде знают. Еще в 1987 году Кемеровский облисполком издал решение № 19, которым обязал облагропром заменить на молочных заводах дедовское оборудование, провести их реконструкцию, чтобы исключить отгрузку населению продуктов в комплекте с заразными микробами и химэлементами.

Этого оказалось недостаточно, и тогда местные власти вроде бы на погибель всем еще уцелевшим микробам подстегнули облагропром еще одним решением на эту тему — № 35 от 10 февраля 1988 года.

Ну, уж теперь-то техническое перевооружение преобразит молочные заводы области!

Но осенью 1988 года — новое ЧП в городе Междуреченске: около 300 человек заметалось в дизентерийной горячке, отведав творога и запив его непастеризованным молоком, поступившим в продажу с Мысковского гормолзавода. И опять зашлись в пронзительном вое сирены «Скорой помощи». В унисон им причитали матери: подавляющее большинство пострадавших составили дети.

К счастью, тоже обошлось без смертельных случаев, и уголовное дело завершилось административными карами... Я поехал в Мыски.

Там на меня кирпичом свалилась потрясающая цифра — 95% износа оборудования на предприятии. Нет установки для охлаждения творога: попробуй охлади его до нормы (6—8 градусов) летом, в 30-градусную жару! Ну, а молоко здесь нередко проходило по прямой схеме: корова — магазин — покупатель. То есть без пастеризации, от которой заразные микробы мрут без остатка.

Впрочем, пастеризаторы на заводе есть, но такие старые, что для бацилл они вроде бани-сауны: можно попариться всласть, но не до смерти. От такой пастеризации толку, как от козла молока. Поэтому нередко молоко гнали в продажу без тепловой обработки. Мысковская горСЭС несколько раз перекрывала вредоносную молочную реку, останавливала производство, штрафовала руководство завода, но предоставить предприятию новые пастеризаторы, конечно, не могла...

На Прокопьевском молочном заводе я тоже не съел ни крошки творога, ни ложки сметаны: пропал аппетит. Представьте себе, что в творожно-сметанном цехе этого завода, где дотошные медики в белых халатах гоняются за каждой болезнетворной палочкой с дезинфицирующей дубиной, вдруг всплывает канализационная лава... Пять раз по этой причине Прокопьевская горСЭС приостанавливала работу городского молочного завода.

И тогда мой возмущенный взор обратился в сторону Кемеровского областного агропрома: как можно допускать такое на предприятиях пищевой промышленности?! Почему агропромовцы не выполняют решений облисполкома, обязательных к исполнению на всей территории области?

В самом деле, почему? Однако не будем делать вид, что не знаем. Я не располагаю статистическими данными, но думаю, что далеко не все решения исполкомов выполняются. Или выполняются до конца.

И, пожалуй, одно из немногих решений исполкома, которое выполнено,— это то, которым ликвидирован облагропром. Так что теперь и спрашивать о выполнении всех предыдущих решений о пищевой промышленности просто не с кого. Виноватых нет. И вряд ли такие найдутся.

А беспризорная пищевая промышленность в Кемеровской области сиротливо оглядывается по сторонам: кто возьмет ее под свое крыло? Кто оплатит ее капиталоемкое санитарно-техническое преображение в условиях хозрасчета и самофинансирования? Где взять стройматериалы, оборудование, рабочую силу и все прочие ресурсы, необходимые для приведения производства в современный вид?

Руководители Кемеровского облисполкома намереваются решить вопрос, передав функции облагропрома отраслевым отделам облисполкома. Есть опасение, что в этом случае все беды и чаяния кемеровских молочных заводов, угодив в папки административно-бюрократического аппарата, надолго там и останутся...

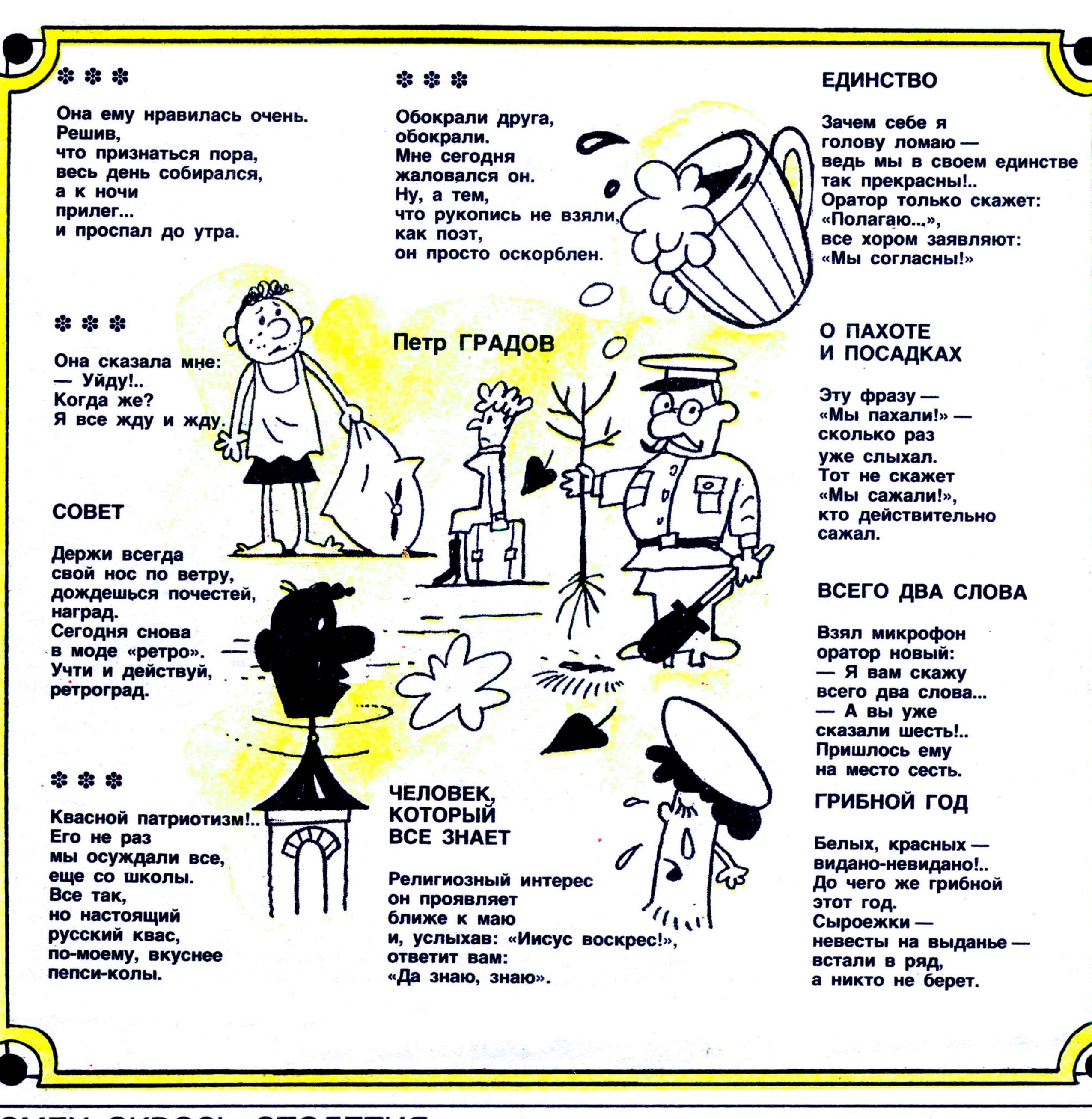
А молочные заводы и комбинаты области продолжают выпускать свою, порой опасную для людского здоровья, продукцию. И потребитель, предпочитающий утром стакан сметаны рюмке водки, не уверен, что вечером он не загремит на больничную койку.

Кемеровская область.

...Прекрасный финал для хозрасчетного театра...

Б.ЗЕНИН.

В.ВЛАДОВ.

Петр ГРАДОВ

* * *

Она ему нравилась очень.
Решив,
что признаться пора,
весь день собирался,
а к ночи
прилег...
и проспал до утра.

* * *

Она сказала мне:
— Уйду!..
Когда же?
Я все жду и жду.

СОВЕТ

Держи всегда
свой нос по ветру,
дождешься почестей,
наград.
Сегодня снова
в моде «ретро».
Учти и действуй,
ретроград.

* * *

Квасной патриотизм!..
Его не раз
мы осуждали все,
еще со школы.
Все так,
но настоящий
русский квас,
по-моему, вкуснее
пепси-колы.

* * *

Обокрали друга,
обокрали.
Мне сегодня
жаловался он.
Ну, а тем,
что рукопись не взяли,
как поэт,
он просто оскорблен.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВСЕ ЗНАЕТ

Религиозный интерес
он проявляет
ближе к маю
и, услыхав: «Иисус воскрес!»,
ответит вам:
«Да знаю, знаю».

ЕДИНСТВО

Зачем себе я
голову ломаю —
ведь мы в своем единстве
так прекрасны!..
Оратор только скажет:
«Полагаю...»,
все хором заявляют:
«Мы согласны!»

О ПАХОТЕ И ПОСАДКАХ

Эту фразу —
«Мы пахали!» —
сколько раз
уже слыхал.
Тот не скажет
«Мы сажали!»,
кто действительно
сажал.

ВСЕГО ДВА СЛОВА

Взял микрофон
оратор новый:
— Я вам скажу
всего два слова...
— А вы уже
сказали шесть!..
Пришлось ему
на место сесть.

ГРИБНОЙ ГОД

Белых, красных —
видано-невидано!..
До чего же грибной
этот год.
Сыроежки —
невесты на выданье —
встали в ряд,
а никто не берет.

СМЕХ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

ПАЛЬЦЕМ В НЕБО

В 1836 году петербургская газета «Северная пчела» писала по поводу недавно поставленной комедии:

«Канва и завязка есть не новая и пустейшая. Автор основал свою пьесу не на сходстве и правдоподобности, но на невероятности и несбыточности. На злоупотреблениях администрации нельзя основать настоящей комедии, нужны правдоподобие, натура, и ничего этого нет... характеры, нравы и обычаи не из настоящего русского быта, но из времен преднедорослевских, из комедий «Ябеда», «Честный секретарь», «Судейские именины» и других отличных, но нами забытых произведений прошлого века. Все эти комедии выше... и притом чище языком и изложением.

Какое впечатление оставляет пьеса? Неприятное! Тяжело выдержать пять актов и не услышать ни одного умного слова, а одни только грубые насмешки и брань, не видать ни одной благородной черты сердца человеческого.

Автору не худо было бы зарубить на стенку: все неизящное недолговечно».

Нам остается добавить только, что речь шла о бессмертном гоголевском «Ревизоре».

ЗАВЕЩАНИЕ

В одном из сибирских городов умер богатый купец и оставил по завещанию 160 тыс. рублей для раздачи бедным. Наследники его выполнили завещание довольно оригинальным способом. Они устроили в городе вместо одного бывшего там кабака три новых и, имея свой винокуренный завод, снабдили эти кабаки вином. Утром каждый день вдова купца, исполняя завещание, раздавала беднякам деньги, а к вечеру того же дня

вся розданная сумма возвращалась назад из новооткрытых кабаков. Расчет точнейший: и завещание исполняется в точности, и деньги возвращаются назад.

«САМЫЙ ДОРОГОЙ ИЗ ШУМОВ»

Следует заметить, что много знаменитых людей разных времен отличались своею враждой к музыке. Одним из известнейших «мелофобов» был Бомарше, определивший музыку словами: «То, чего не стоит говорить, поется». Теофиль Готье называл музыку «самым дорогим из шумов». Наполеон I утверждал, что музыка расстраивает ему нервы, хотя по его приказу военные оркестры играли перед лазаретами «для увеличения бодрости раненых». Виктора Гюго надо было долго просить, прежде чем он давал согласие положить его слова на музыку. «Разве мои стихи,— говорил он,— не звучат так хорошо, чтобы уже нельзя было обойтись без этого неприятного шума?»

Близнецов («ССС») угощали деликатесами В. СТАНДАРОВ, М. ЗАЙЦЕВ и В. ОЧКОВ.

Ю. ЧЕРЕПАНОВ

«Афганцы» среди нас...

За девять лет целое поколение молодых парней прошло через Афганистан. И сейчас, спустя почти год после вывода войск, на улицах наших городов и поселков часто мелькает «камуфла», пятнистая маскировочная куртка — значит, «афган», так теперь называют солдат, служивших в Афганистане.

Есть на Петровском бульваре в Москве вывеска: «Московское городское военно-патриотическое объединение воинов запаса». Зашел туда. И сразу окунулся в проблемы «афганцев» на гражданке... Андрей Лагунов, председатель объединения, пояснил:

— Конечно, мы не надеялись, что наш путь возвращения в мирную жизнь будет усеян розами. Но то, с чем пришлось столкнуться... Легче было с боевой выкладкой преодолевать Гиндукушские скалы, чем бюрократические надолбы, стены равнодушия на каждом шагу. «Афганцы» постоянно испытывают на себе дефицит милосердия. Бывает, ребята не выдерживают, даже преступают закон. Недавно один пытался решить свой жилищный вопрос. Долго водили его за нос. Но стоило ему положить на стол гранату, как вопрос в пять минут был решен. Чиновник и не подозревал, что граната учебная... Так вот, наша задача — объединить всех «афганцев», чтобы решить многочисленные проблемы. Как поется в песне — «возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке...»

«АФГАНЦЫ» ИСПЫТЫВАЮТ НА СЕБЕ ДЕФИЦИТ МИЛОСЕРДИЯ...

МАЛО ВЫПУСКАЕТСЯ ИНВАЛИДНЫХ КОЛЯСОК И УЖ ПОЧТИ СОВСЕМ НЕ ПРЕДОСТАВЛЯЮТСЯ АВТОМОБИЛИ С РУЧНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ!

Афганский вопрос

Кто же сделал нас калеками?

Пользуясь случаем, редакция «Крокодила» поздравляет своего старого друга и автора Юрия ЧЕРЕПАНОВА с награждением орденом «Знак Почета».

Александр Архангельский

Дружеский шарж КУКРЫНИКСЫ.

В ноябре исполняется 100 лет со дня рождения Александра Архангельского (1889—1938), наверное, лучшего нашего пародиста по сей день.

Родился Александр Григорьевич в Ейске. Первую книгу стихов, «Черные облака», издал в 1919 году. Редактировал ейскую газету «Известия», писал статьи, заметки, политические фельетоны, лирику. В 1922-м уехал в Москву на Всероссийский съезд РОСТА и остался работать в «Рабочей газете». Затем, в этом же году, он стал сотрудником редакции «Крокодила», где трудился 10 лет.

Первый сборник пародий вышел в библиотечке «Огонька» в 1927 году. Талант писателя-пересмешника мгновенно обрел признание. Не только широкий читатель, но и многие литераторы, подвергнутые им осмеянию, оставили восторженные отзывы о высоком даре литературного перевоплощения, умении Архангельского сконденсировать, отобрать главнейшие стилевые приметы того или иного литературного явления и мастерски их воспроизвести, не унижая и не оскорбляя.

Соавторами лучших книг А. Архангельского стали художники Кукрыниксы. Так, перелистывая сейчас его сборник «Пародии», вышедший в 1936 г. пятым изданием, или его же «Избранное», изданное в 1946 г., именно такими видишь теперь литературные образцы и персонажи.

Архангельский ушел из жизни преждевременно. Умер от туберкулеза. Его книги стали переиздаваться чрезвычайно редко. В 1958 году вышел сборник в «Библиотеке Крокодила», и 30 лет, несмотря на многочисленные пожелания литературных авторитетов (а среди них были В. Шкловский и А. Платонов, М. Светлов, В. Катаев и З. Паперный), книги А. Архангельского не выходили. Только недавно издательство «Художественная литература» выпустило небольшим тиражом сборник его пародий и эпиграмм с иллюстрациями Кукрыниксов. Публикуем пародии А. Архангельского, вошедшие в эту книгу.

Виктор ШИРОКОВ.

М. ЗОЩЕНКО

Случай в бане

Вот, братцы мои, гражданочки, какая со мной хреновина вышла. Прямо помереть со смеху.

Сижу это я, значит, и вроде как будто смешной рассказ сочиняю. Про утопленника.

А жена говорит:

— Что это,— говорит,— елки-палки, у тебя, между прочим, лицо индифферентное? Сходил бы,— говорит,— в баньку. Помылся.

А я говорю:

— Что же,— говорю,— схожу. Помоюсь.

И пошел.

И что же вы, братцы мои, гражданочки, думаете? Не успел это я мочалкой, извините за выражение, спину намылить, слышу — караул кричат.

«Никак,— думаю,— кто мылом подавился или кипятком ошпарился?»

А из предбанника, между прочим, человечек выскакивает. Голый. На бороде номерок болтается. Караул кричит.

Мы, конечно, к нему. В чем дело, спрашиваем? Что, спрашиваем, случилось?

А человек бородой трясет и руками размахивает.

— Караул,— кричит,— у меня пуп сперли!

И действительно. Смотрим, у него вместо пупа — голое место.

Ну, тут, конечно, решили народ обыскать. А голых обыскивать, конечно, плевое дело. Ежели спер что, в рот, конечно, не спрячешь.

Обыскивают. Гляжу, ко мне очередь подходит. А я, как на грех, намылился весь.

— А ну,— говорят,— гражданин, смойтесь.

А я говорю:

— Смыться,— говорю,— можно. С мылом,— говорю,— в подштанники не полезешь. А только,— говорю,— напрасно себя утруждаете. Я,— говорю,— ихнего пупа не брал. У меня,— говорю,— свой есть.

— А это,— говорят,— посмотрим.

Ну, смылся я. Гляжу,— мать честная! Да никак у меня два пупа!

Человек, конечно, в амбицию.

— Довольно,— кричит,— с вашей стороны нахально у трудящихся пупы красть! За что,— кричит,— боролись?

А я говорю:

— Очень,— говорю,— мне ваш пуп нужен. Можете,— говорю,— им подавиться. Не в пупе,— говорю,— счастье.

Швырнул это я, значит, пуп и домой пошел. А по дороге расстроился.

— А вдруг,— думаю,— я пупы перепутал? Вместо чужого свой отдал?

Хотел было обратно вернуться, да плюнул.

Шут,— думаю, с ним. Пущай пользуется. Может, у него еще что сопрут, а я отвечай!

Братцы мои! Дорогие читатели! Уважаемые подписчики!

Никакого такого случая со мной не было. Все это я из головы выдумал. Я и в баню сроду не хожу. А сочинил я для того, чтобы вас посмешить. Чтоб вы животики надорвали.

Не смешно, говорите? А мне наплевать!

Б. КОРНИЛОВ

Песнь

Зряще мя безгласна, бездыханна,
с вздутым выражением лица,
не вымайте пулю из нагана,
шкуру не сымайте с жеребца.

Жеребец стоит лиловой глыбой,
пышет из его ноздрей огонь,
он хвостом помахивает, ибо
это преимущественно конь.

Поелику саван я скидаю,
всуе плакать, друзи и родня,
задираю ногу и сидаю
на того арабского коня.

Без разгону на него стрибаю,
зрю на географию страны,
непрерывно шашкою рубаю
личность представителя шпаны.

Я рубаю, и ни в коем разе
промаху рубанье не дает.
Личность упадает прямо наземь,
не подносит и сама не пьет.

Возлегает от меня ощую,
впрочем, на ощую наплевать,
ибо надо самую большую,
безусловно, песню запевать.

Запеваю, ставлю исходящий
номер во главу ее угла
и ховаю одесную в ящик
письменного моего стола.

Юрий БЕЛЯВСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

ДОМ, ГДЕ НАДРЫВАЮТСЯ СЕРДЦА,

или ЧЕЛОВЕК В ЗАТРАВОЧНОЙ КАМЕРЕ

— Не ел бы ты эту колбасу,— строго сказала жена,— еще неизвестно, из какой туалетной бумаги ее делают. Видишь, даже кошка от нее отворачивается.

И я, послушно отодвинув в сторону пищевое изделие серо-розового цвета, отправился за картошкой.

— Картошечку купили? — приветливо окликнула меня соседка.— Крупная, видать, не пожалели на нее нитратов.

И я высыпал содержимое кошелки в помойку.

— Не ездили бы вы на юг,— дружески посоветовал мне знакомый доктор,— у вас и так здоровьишко не ахти, а там вода в море грязная и вообще радиация всякая.

И я, сдав билеты на юг, купил новые — на север.

— На Крайнем Севере — хорошо! — лелеял я свою Большую Северную Мечту, подлетая к городу Салехарду.— Воздух там чист, люди прямы и честны, за городской околицей растут морошка и голубика, а зимой в теплом срубе любой мороз не страшен.

«Чистый» воздух стольного града Ямало-Ненецкого автономного округа привычно пахнул отходами нефтегазового производства, а о крайностях Севера напоминал только Полярный круг, проходящий чуть ли не посередине города и нашедший свое художественное воплощение в странном полукруглом произведении искусства, прозванном местными аборигенами «Памятником пропавшей колбасе».

Городок был сплошь деревянно-двухэтажным. Значительная часть жилого фонда возрастом и изящно-барачными архитектурными решениями живо напоминала о знаменитых «комсомольских» стройках тридцатых — сороковых годов, контингент строителей которых активно подбирал один из лучших «друзей» комсомола Лаврентий Павлович Берия.

Наконец подошел я к двухэтажному 16-квартирному дому так называемой бамовской серии, где собирался найти временный кров и приют.

— Не селились бы вы в этом доме! — раздался голос случайного прохожего, сострадательно взиравшего на меня и мой чемодан. Его интонация настолько точно повторяла модуляции жены-соседки-доктора, что я понял: сейчас состоится крах моей Большой Северной Мечты. Чтобы хоть как-то оттянуть момент краха, я спросил: «Это почему еще?»

— А он, однако, фенольный...— с крайней прямотой и честностью северянина предупредил меня прохожий и отправился дальше, сочтя свою миссию законченной.

Я остался перед открытой дверью, один на один со своей полуразрушенной Мечтой. «Не ходи туда!» — тоном предсмертного наказа прошептала Мечта. Но дверь была отворена, и я смело шагнул внутрь.

Следующие несколько строк изящных дам и лиц, не достигших призывного возраста, я просил бы пропустить.

Итак, уважаемые оставшиеся читатели, приходилось ли вам бывать в солдатском сортире на пятый день борьбы с предполагаемой эпидемией дизентерии? Приходилось? Значит, вы поймете меня, поскольку на всю жизнь запомнили удушающий и проникающий повсюду запах рассыпанной там карболки. Этот запах не выветривается месяцами и терпеть его помогает только мысль об угрозе боеспособности родной армии.

Именно таким ароматом встретила меня квартира, в которой я оказался. Еще не понимая в чем дело, я стоял посреди прихожей, а сердце мое уже надрывно стучало, в горле першило и из глаз катились скупые мужские слезы.

Это потом, значительно позже, кандидат химических наук Г. Дрегваль из киевского института с плохо выговариваемым названием ВНИИГИНТОКС Минздрава СССР любезно объяснит мне, что карболка и фенол суть одно и то же. Только карболка концентрацией послабей и ею травят микробов, а фенол, он в самый раз, им и людей травить можно.

Но это было потом, а пока я ошалело выскочил из квартиры и продолжал плакать, стоя на лестничной площадке.

— Плачете? — участливо спросила пожилая женщина, спускавшаяся со второго этажа.— Ничего, поначалу все плачут. Режет глаза, першит в горле...

— А потом? — тоскливо спросил я.

— Это у кого как,— продолжала повествовать старушка.— Кто покрепче, у них постоянные ОРЗ, кто послабей — воспаления легких, аллергии, конечности опухают, внутренние органы опять же болят. Вон в Сургуте всех, которые вроде нас, обследуют. Прям на поликлиниках объявления вешают: «Всех жителей токсичных домиков просят пройти обследование».

— Так как же вы здесь живете? — с ужасом воскликнул я.

— Плохо,— горемычно ответила она,— так ведь, милый ты мой, в пятьдесят градусов мороза на улицу ночевать не пойдешь. Вот и живем...

Моя собеседница, тяжело вздохнув, продолжила свой путь, а я, бросив чемодан на лестнице, стремглав побежал в окружную санэпидстанцию.

— Конечно, мы знаем об этом,— выслушав меня, сказал и. о. главврача окружной СЭС К. Мелещенко,— в Салехарде домов этого типа 40, а по округу, наверное, штук 130 наберется. Проводили замеры, в некоторых квартирах фиксируется превышение предельно допустимых концентраций (ПДК) по фенолу и формальдегиду в 50—100 раз. Речь идет о сборно-щитовых домах типа 111—115—93. Выпускают их Пермский домостроительный комбинат и Нововятский комбинат древесных плит, подчиненные Минлеспрому СССР. Вот она, переписка по этому вопросу.

И Мелещенко потряс в воздухе пухлым скоросшивателем с бумагами.

— Что пишут? — поинтересовался я.

— Видите ли,— стал объяснять исполняющий обязанности,— дома-то фанерные, между стен утеплитель синтетический, ПКЗ-30 называется. Изготовители божатся, что он безвредный, но все дело как раз в нем. Ясно, что принимать эти дома у строителей нельзя, а уже заселенные расселять надо. Да только, видно, некуда...

— Безобразие! — кипел мой возмущенный разум и, как положено в процессе кипения, требовал срочного выпуска пара. Пар вышел в виде традиционного и уже почти риторического вопроса: «Куда смотрит Советская власть?!» С ним я и помчался в окрисполком.

Советская власть в лице зампреда окрисполкома И. Кугаевского смотрела примерно в ту же сторону, что и я.

— Безобразие — в данном случае слишком мягкое слово,— возмущенно басил зампред.— И город, и округ переживают острейший жилищный кризис, а тут такое. Необходимо расселять как минимум 20 домов. Это же 320 квартир, да еще 1600 квартир недополучим — построенные дома этой серии СЭС не принимает. Кое-кого уже отселили, но вы не представляете, как это тяжело.

Я представлял. Представлял и состояние тех, кто должен был получить квартиры, а в очередной раз не получил. И тех, кого предстояло выселять из отравленных, но зато уже своих, с таким трудом полученных квартир. Но не оставлять же людей в этих... Язык не поворачивался назвать это домом. Когда-то при одной из попыток разобраться в очередном экологическом кошмаре биолог, у которого я консультировался, рассказал мне, как специалисты называют между собой жилища, опасные для проживания человека: БЗК, большая затравочная камера, помещение, где ученые изучают воздействие ядов на животных.

— Это же преступление — делать такие дома! — продолжал кипеть мой разум и требовал экстренного посещения прокуратуры.

— Да, нам тоже казалось, что это преступление,— сказал зам. окружного прокурора М. Ветрогон,— мы даже пытались возбудить уголовное дело против одного из комбинатов-изготовителей. Но вот посмотрите, что пишут наши коллеги, разбиравшиеся с этим вопросом.

Действительно, Нововятский горпрокурор сообщал своему северному коллеге, что «проверкой не установлено отклонений от ГОСТа при изготовлении, и оснований для привлечения должностных лиц к уголовной ответственности не имеется».

Выйдя из прокуратуры, я присел на скамеечку и с интересом установил, что процесс кипения моего разума приостановился. Треугольник замкнулся. Виноватых, как всегда, не было.

Оказывается, никто не виноват в том, что люди живут в БЗК, думая, что это дома. Так же, как нет виноватых в том, что мы едим всякую дрянь, предполагая, что это пища. Не виновен никто и в том, что не рекомендуется ехать на юг, да и не стоит на север. И в том, что вся страна постепенно превращается в огромную БЗК, тоже ведь, похоже, никто не виноват.

— Нет ви-но-ва-тых, нет ви-но-ватых,— бормотал я, стуча в такт по скамейке,— и прекратил это, только почувствовав, что скамейка скоро сломается.

Потом я потратил два дня на чтение бумаг из пухлых скоросшивателей. В них все было, как всегда. Изготовители клялись, положа руку на моральный кодекс, что трудятся, свято соблюдая ГОСТы, ОСТы и ТУ. По поводу же сильно вонючего утеплителя ПКЗ-30 они хором ссылались на московское ВНПО «Союзнаучстандартдом», рекомендовавшее и разрешившее его применение. Учить эти бумаги наизусть смысла не было, и я полетел в Москву.

Отдел «Союзнаучстандартдома», занимавшийся проектированием «фенольных» домиков, располагался в уютном особнячке в самом историческом центре столицы. В кабинете начальника отдела Р. Гольденшлюгера за распахнутым окном пели птички. Фенолом не пахло. Хозяин кабинета был вежлив и улыбчив.

— Ах, вы по поводу этих несчастных домов? — воскликнул он, узнав о цели моего визита.— Но ведь мы их перестали выпускать еще в IV квартале 1988 года.

— А те, что выпустили? — поинтересовался я.

— Будем ремонтировать. Уже ремонтируем. Из 360 дефектных домов отремонтировали 190. Теперь превышение ПДК будет лишь в 2—4 раза.

— Да что же это за предельно допустимая концентрация, которую можно превышать хоть в какое-то количество раз?

— Вы совершенно правильно уловили суть вопроса. Я вообще думаю, что здесь больше эмоций, чем существа проблемы. Надо пересматривать ПДК. Во многих странах мира они куда мягче, чем у нас. А вы знаете, что вся современная мебель, хоть наша, хоть импортная, тоже в несколько раз превышает ПДК? И наш утеплитель ПКЗ-30, если разобраться, прекрасная вещь. Удобный, технологичный. Кстати, он и Минздравом разрешен. Так что там, на севере, много лишних эмоций. Надо бы еще разобраться, как они ПДК мерили.

Я вспомнил свои слезы, лившиеся вовсе не из-за повышенной эмоциональности, и отчетливо понял, что суть, оказывается, не в них. Главное, чтоб проливались они в полном соответствии с «правильной» ПДК.

— Ну хорошо, а кто возместит ущерб, нанесенный людям? — спросил я.

— Насколько мне известно, все организации-заказчики обратились в арбитраж,— сухо ответил мой собеседник.

«А ведь и он тоже не виноват,— рассуждал я, выйдя на улицу,— конструкторы, проектировщики, они ж берут те материалы, что есть. Потехнологичней да поэкономичней. Их так учили».

Идти больше никуда не хотелось. Система коллективной ответственности слезам не верит. Верит она только в собственную коллективную безопасность. Это ведь так безопасно, когда никто ни в чем не виноват.

Смеркалось. По улицам брели усталые невиноватые люди. Весь день они делали что-то такое, из-за чего у других, тоже невиноватых, когда-нибудь потекут слезы.

Салехард — Москва.

МИМОХОДОМ

Чтобы бить рублем, его необходимо сделать как минимум твердым.

Товарищи руководители! Воспринимайте сатиру с юмором!

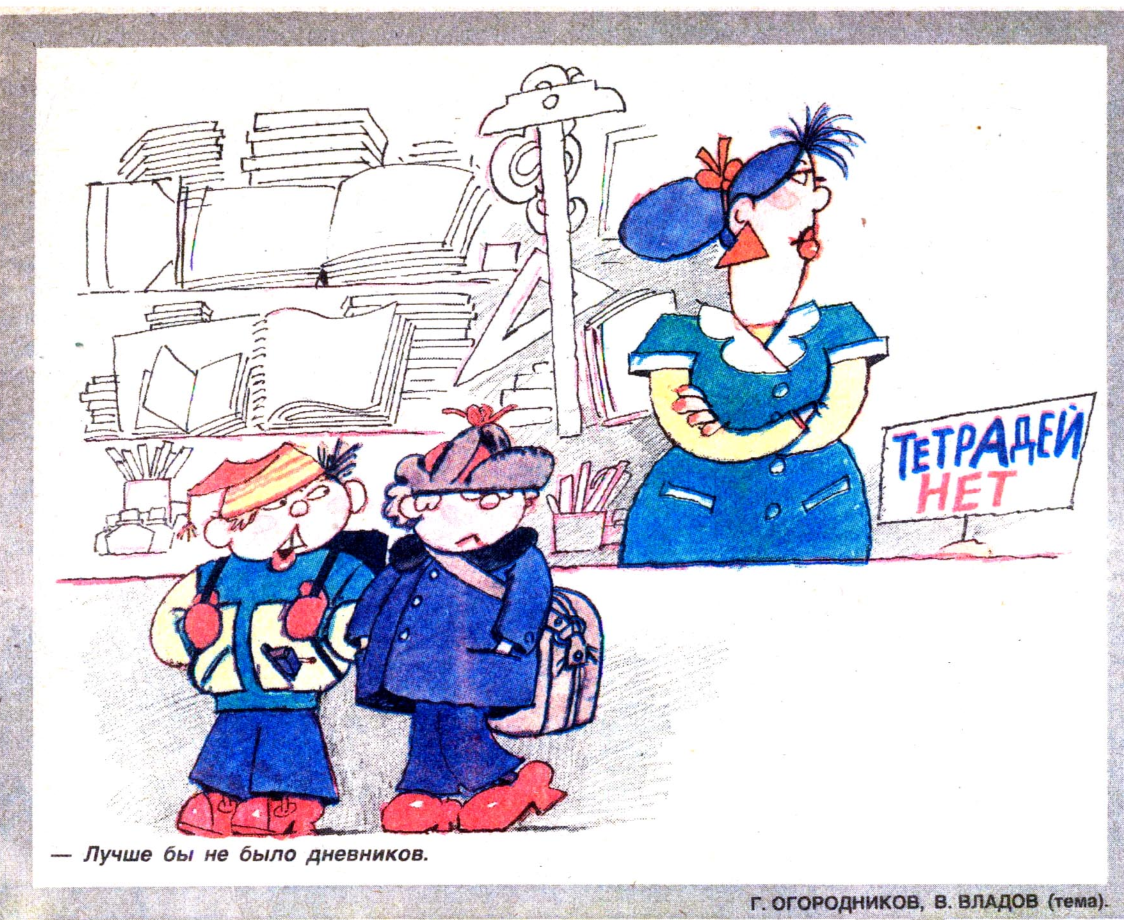
Владимир ТУРОВСКИЙ, г. Львов.

Орлы сидят либо на вершине, либо в клетке.

Лишился головы, но отстоял лицо.

Культ безличности.

Владимир ХОЧИНСКИЙ, г. Ленинград.

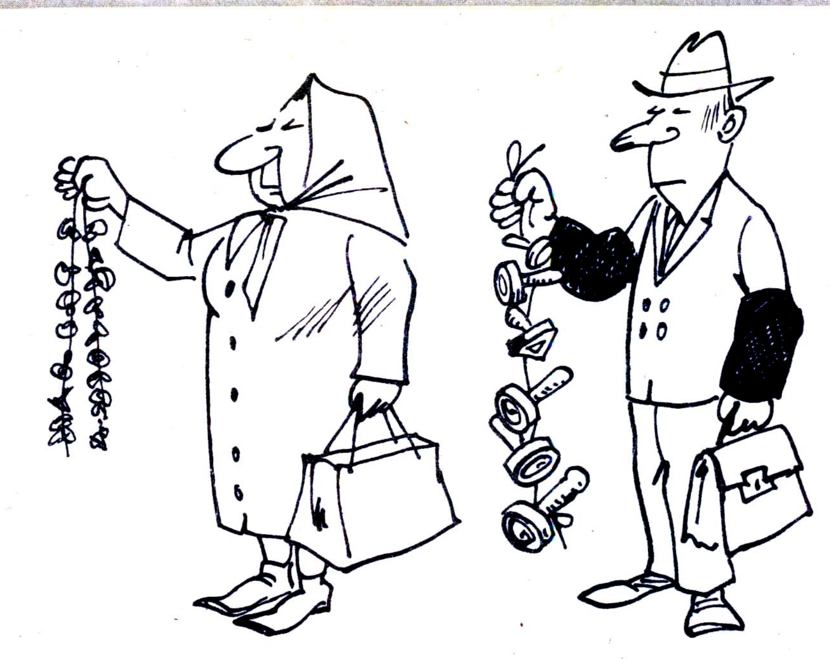

— Лучше бы не было дневников.

Г. ОГОРОДНИКОВ, В. ВЛАДОВ (тема).

А. УМЯРОВ.

А. АЛЕШИЧЕВ.

— Что с тобой?
— Да папа Карло был нетрезвый, когда строгал меня.

Р. ДРУКМАН.

В. ПОЛУХИН, В. ТИЛЬМАН (тема).

ДЖУНГЛИ

Александр ПОКЛАД

ОТРЫВКИ ИЗ ПОВЕСТИ*

Первые тридцать лет своей жизни Александр Поклад с сатирой сталкивался, лишь читая субботние фельетоны в «Вечерке», либо слушая записи М. Жванецкого. Публикации его для любителей фельетонов назывались слишком длинно и скучно, да и выходили они в сугубо серьезном издательстве «Международные отношения».

Однако в конце концов природная склонность к юмору взяла верх и вылилась в первую повесть «Джунгли», отдельные главы которой мы предлагаем вниманию читателей. Стоит заметить, что жизнь наших дипломатов за рубежом автор знает не понаслышке, ибо сам работал в советском посольстве в одной из африканских стран.

Оформление В. УБОРЕВИЧА-БОРОВСКОГО.

Приемник, настроенный на волну местной радиостанции, молчал. Радиостанция ушла из эфира двое суток назад. С тех пор Петров не спал. Ему было поручено не проморгать момент возобновления трансляции и записать ее на магнитофон. Сообщение могло оказаться очень важным. Петров залпом выпил стакан круто заваренного кофе. Третий за утро. Однако организм практически не реагировал. Здесь кофе стоил дешевле чая, и его пили, как воду. Он уже не бодрил.

По зданию разносилась вонь. Накануне вечером кончилась вода, и унитазы иссякли. Осталось только несколько канистр с кипяченой питьевой водой.

Петров прикрыл глаза и, кажется, задремал. Автоматная очередь, ударившая совсем рядом, вывела его из сонливого состояния. На улице, где располагалось посольство, возобновилась перестрелка.

Дверь в кабинет распахнулась, и на пороге появился референт-секретарь Малышев с мусорной корзиной в руках.

— Посмотри, что я нашел! — радостно сказал он, держа корзину прямо перед собой, как ценный подарок.— Позавчера мы с тобой вывалили наши пепельницы в эту корзину, а уборщицы ее в суматохе не вынесли! Стояла около туалета!

— Кайф! — сказал Петров.

Курить хотелось еще больше, чем спать. А вчера в посольстве выкурили последнюю сигарету. Они сели около корзины и стали доставать оттуда бычки.

В это время в кабинет вошел Сюсюнкин, Чрезвычайный и Полномочный Посол Советского Союза в Республике Фулия.

— Над чем работаем?

Сюсюнкин отличался способностью задавать в каждой конкретной ситуации самый идиотский вопрос.

— Мы тут, э...— сказал Петров и неопределенно показал на политическую карту мира, висевшую на стене.

— Проектик одного документика ищем, мы его вчера случайно в суматохе в корзину смахнули,— сказал Малышев.

— Пособранней, пособранней. Ну шо ж вы так, смахнули документ в корзину? Несобранность может сослужить вам в дальнейшем недобрую службу, особенно в МИДе. Вот, например, случай из моей практики...

За окном ухнул миномет.

— Да, так вот, случай. Работали мы с одним моим приятелем в одной монархической стране. И он по несобранности пришел на королевский прием в брюках, немного запачканных внизу,— на улице была страшная слякоть. Королева это заметила и...— Сюсюнкин сделал многозначительную паузу.

— И что же?! — ахнули молодые дипломаты, слышавшие эту историю уже не в первый раз.

— И его выслали в двадцать четыре часа! Вот так испортил себе карьеру. Я его встретил в отпуске в Госплане, он там заведует отделом.

Дав еще несколько ценных указаний, посол ушел, а атташе с референтом начали потрошить бычки в свернутый из листа бумаги кулек.

— Что-то наш Чрезвычайный совсем сдал,— сказал Петров.

— Еще бы! Под конец карьеры, да в Фулию.

В свое время Сюсюнкин закончил ветеринарную академию и занимался делом, далеким от международных отношений. Но знакомство с дочерью высокопоставленного дипломата сыграло решающую роль в жизни скромного ветеринара. Она была умна и по натуре своей любила командовать. «Он человек спокойный,— сказала она папе про Сюсюнкина,— добрый и во всем меня слушает. Я выйду за него замуж». После этого наш ветеринар закончил Высшую дипломатическую школу и стал работать в МИД СССР. Отличался исполнительностью, скрупулезностью и во всем разделял мнение руководства. При соответствующей поддержке в лице тестя этого оказалось достаточно, чтобы без особых проблем дорасти до уровня посла.

— Кого это мы в Фулию послом зафуговали? — спросил один высокопоставленный кадровик другого.

— Сюсюнкина.

Они оба усмехнулись.

— У него ж там посольство паутиной зарастет.

— Зарастет. А что поделаешь? Ему два года до пенсии осталось.

— Будем считать, что мы послали его туда по соображениям гуманности.

Посол очень любил ездить на разного рода протокольные мероприятия, порой по нескольку раз в день. Приемы, коктейли, чемпионат по диско-танцам, крещение внука премьер-министра и прочие мероприятия следовали одно за другим, и времени на совещания, обсуждения и раздачу конкретных указаний почти не оставалось.

Обычно совещание проходило так.

— Ну шо? — спрашивал посол.— Какие еще у нас проблемы возникают?

Все сосредоточенно молчали. Молчание — золото.

— Нет проблем?

— Есть, но решим в рабочем порядке,— говорил торговый советник.

— Хорошо.

И торговый советник сосредоточенно делал пометку в блокноте, как будто получил очень важное указание.

— Ну шо, все? — спрашивал посол.— Тогда все.

На этом совещание заканчивалось.

Когда послу докладывали какой-нибудь вопрос, он говорил: «Ну шо ж, хорошо, прошу и дальше следить за этим вопросом. Только прошу моего шофера не задействовать, мы с ним очень заняты в ближайшие дни». И ехал на обед в честь лучшего метателя копья Фулии.

* * *

Фулия относилась к числу стран, каких много как к югу, так и к северу от экватора. Она производила бананы, которые и были главной статьей ее экспорта. 365 солнечных дней в году, вполне умеренные осадки и плодороднейшие почвы позволяли без особых усилий — всяких там удобрений и новаторских методов вспашки — снимать три урожая ежегодно. Может быть, еще и поэтому Фулия была страной бедной.

Бананов выращивалось много, но вывозить за пределы страны удавалось меньшую часть: то грузовиков не хватало, то фермеры не хотели продавать бананы государству, получая в обмен фальшивые чеки. Однако за то, что все же удавалось продать за границу, Фулия имела немалый доход в валюте. Девяносто процентов валюты оседало в карманах президента и министров, остальные десять разворовывались руководством кооперативов по закупке бананов. Поэтому в стране шла бесконечная, упорная борьба за власть. В среднем правительство находилось у власти три года, потом следовал очередной переворот, и воровать начинало новое правительство.

Министры и банановые короли ездили на белых «мерседесах», играли в гольф и пили пиво. Промышленный сектор в экономике сводился как раз к производству последнего.

Справедливости ради надо отметить, что производили также пепсиколу, виски, сигареты и почему-то мел. Одно время даже начали строить огромный металлургический комбинат. Но средства, выделенные международными валютными организациями на эти цели, ушли на приобретение легких плавающих танков и нового комплекта мебели для президентского дворца. Вскоре возведенный фундамент плотно зарос экзотической растительностью. Несколько лучше дело обстояло с заводом по консервированию ананасов: он проработал три месяца. Потом обвалилась крыша, инженерный состав разбежался.

Столичный город Фултаун раскинулся в долине. На центральной улице располагались магазины, конторки мелких и покрупней компаний, редакции газет, министерства и пять многоэтажных домов. На соседних улочках находились рынки, автомастерские, мелкие частные клиники, бензоколонки и рестораны. С правой стороны к городу лепились трущобы, с левой — утопавшие в зелени предместья, застроенные великолепными виллами, которые были обнесены надежными заборами. На виллах жили министры, банановая знать и члены дипломатического корпуса.

Посольство СССР представляло собой старую двухэтажную виллу, кое-как приспособленную под деятельность учреждения.

К зданию примыкал небольшой сарай с крышей, покрытой шифером. Внутри сарай, выкрашенный в свекольный цвет, был разделен на две части: та, что поменьше, использовалась под склад для кинофильмов, а та, что побольше,— под клуб. В клубе раз в неделю крутили советские фильмы и проводили разные торжественные заседания. Еженедельные показы вырабатывали у членов нашей колонии устойчивую ненависть к родному кинематографу и нерушимую тягу к западной видеопродукции, благо в Фултауне имелось несколько видеотек, забитых «Рембо» и «Роки», а в распоряжении практически каждой советской семьи — личный видеомагнитофон.

Но в данный момент колонистам было не до видео. В Фулии происходил очередной государственный переворот: несколько взбунтовавшихся дивизий штурмовали столицу, пытаясь свергнуть главу Временного совета генерала Валугамбе Синейро, который сам пришел к власти несколько лет назад далеко не парламентским путем. Верный генералу гарнизон отчаянно сопротивлялся, и вот уже два дня в Фултауне не утихали бои. Солдаты сражались за право их командиров принять участие в дележке жирного бананового пирога.

Двое суток посольство находилось в осадном положении. Люди практически не спали. Страшно хотелось принять душ. Многие нервничали. Ведь при посольстве находилась только резиденция посла, квартиры же дипломатов, завхоза, бухгалтера, зав. канцелярией, водителя посла и дежурных комендантов располагались в так называемом «жилом комплексе», находившемся в десяти минутах езды от посольства. Там остались только два дежурных коменданта, которых регулярно запрашивали по рации, все ли в порядке. Все остальные сидели в посольстве и носа из него не могли высунуть. Они очень переживали, не разграбят ли жилой комплекс солдаты, что уже случалось во время предыдущих переворотов.

Представитель Союза советских обществ дружбы (ССОД) с подчиненным ему директором Курсов русского языка, заведующий бюро АПН, сотрудники аппарата торгового советника и представитель «Аэрофлота» сидели по своим резиденциям и время от времени запрашивали посольство, как жизнь.

Каждому был присвоен порядковый номер. Посольство — № 1, жилой комплекс — № 2 и т. д. Переговоры полагалось вести исключительно по-английски в целях конспирации. Но это не всегда получалось. «Рядом со мной тут зенитный пулемет установлен,— кричал в «уоки-токи» представитель ССОД на чистом русском языке,— и я уже оглох к чертовой матери!» Дежурные коменданты вообще не знали английского. «Намбер ван, намбер ван,— неслось в эфир,— я намбер ту, намбер ту...» — «Спик инглиш, плиз!» — отвечало посольство.— «Ай вонт ту сей... Да не знаю я, Петр Иваныч, как это сказать!» «Ты меня хоть по номеру, а не по имени-отчеству называй!» — «Андерстенд!» — «Ну, гуд. Как там наши вещички?»

Опасения за вещички были обоснованными. Японские телевизоры, видеомагнитофоны и двухкассетники давались в Фулии нелегко. Ее экономика, как и политическая ситуация, развивалась зигзагообразно.

Зигзаги этой экономики больно ударяли по карману совслужащих. Все расчеты посольства в Фулии проводились через американский доллар, курс которого был установлен несколько лет назад. С тех пор курс упал пунктов на пятнадцать, в результате чего иные теряли в год до «Жигулей». Сложная система пересчета с инвалютных рублей на обычный доллар, а потом на фулийский фунт и назад, установленная Минфином, приводила к тому, что наши недосчитывались примерно четверти зарплаты.

Но колебания проклятого доллара не шли ни в какое сравнение с колебаниями фульских фунтов. Ежегодная инфляция в Фулии, выражаясь коммерческим языком, составляла 300%, а проще говоря, за год все становилось дороже примерно в три раза. Правительство вело борьбу с инфляцией путем регулярных девальваций национальной валюты: За три года она была девальвирована по отношению к американскому доллару раз в двадцать. Зарплата совработников исчислялась сначала тысячами фульских фунтов, затем — десятками тысяч, потом миллионами. Получать в банке зарплату для посольства приходилось ездить с мешком. Чашка кофе в ресторане стоила 5 тысяч, коробок спичек — тысячу. Нищие не принимали подаяние в размере менее пятисот фунтов.

Однажды, правда, пришел праздник и в советскую колонию. Правительство ввело «двойной» курс фунта. Это означало, что для расчетов внутри страны использовался один, нормальный курс, а для расчетов на внешнем рынке другой: в пять раз ниже. Дипломаты стали получать по второму курсу, и зарплаты возросли до нескольких миллионов. Цены же на внутреннем рынке соответствовали «внутреннему» курсу, что означало, что дипломатам все обходилось в пять раз дешевле. Поэтому три дня после выдачи зарплаты ни в посольстве, ни в других наших загранучреждениях никого нельзя было застать.

— Где все? — спрашивал посол, входя в опустевшие рабочие помещения.

— Все в МИД и парламенте,— отвечал дежурный комендант.

— А где торговый советник?

— В казначействе.

Так продолжалось несколько месяцев, а потом двойной курс отменили. Зарплаты сократились в пять раз, а цены успели подрасти. Наша колония оказалась на грани банкротства.

* * *

На столе Петрова зазуммерил внутренний телефон. Звонил советник Самостроев. Он осведомился, чем занимаются молодые дипломаты, и попросил их зайти. Молодые дипломаты зашли к советнику, являвшемуся вторым человеком после посла, гордо неся дымящиеся толстые самокрутки.

— Что курим? — спросил Самостроев.

— Да вот, старые бычки распотрошили,— сказал Малышев.

— Фу, гадость какая,— сказал советник.— Дайте-ка затянуться.

Он взял у референта самокрутку и сделал несколько жадных затяжек.

Советнику, кроме всего прочего, еще и возглавлявшему партийную организацию посольства, за последнюю неделю досталось здорово. Когда на подступах к городу начались бои, надо было проверить наличие запасов воды, горючего, валюты, проконтролировать выполнение плана мобилизационных мероприятий на случай чрезвычайных обстоятельств, регулярно информировать Москву о быстро развивающихся событиях и, наконец, решить вопрос об эвакуации.

Последний решался наиболее болезненно. Наступавшие части вот-вот должны были замкнуть кольцо вокруг города, а посол все медлил, боясь взять ответственность на себя. Он проводил закрытые и расширенные совещания, запрашивал Центр, ходил по кабинету из угла в угол, но сделать решительный шаг не мог.

Посол Великобритании собрал у себя глав дипломатических миссий с тем, чтобы посоветоваться относительно эвакуации. Сюсюнкин взял с собой Малышева. Тот, чтобы не позориться перед американскими морскими пехотинцами и телохранителями западногерманского и английского послов, свернул в трубочку журнал «Новое время» и сунул себе в левый внутренний карман пиджака. Телохранители понимающе кивнули, осведомились, какой системы пистолет, и стали хвалиться своими «пушками». Послы тем временем отсовещались. «Все эвакуируются,— сказал Сюсюнкин, возвратившись в посольство,— а я, прям, не знаю, что и делать».

В конечном итоге решили эвакуировать женщин и детей, которых насчитывалось до тридцати человек.

Встал вопрос: где набрать такое количество автотранспорта? Машины в посольстве были, но многие из них находились в аварийном состоянии, ибо, по неписаным правилам советской дипломатической бухгалтерии, полагалось ездить на машине до последнего, потом продавать ее за бесценок и покупать новую. Так считалось экономнее.

Положение осложнялось тем, что в посольстве не было микроавтобуса. Незадолго до описываемых событий с ним случилась неприятная история.

Началось все с того, что у входа в посольство соорудили деревянную каморку для полицейских. Полицейские уже много месяцев дежурить не приходили, но об этом до поры до времени как-то забывали. Зато каморкой, сооруженной в целях укрепления безопасности, умело воспользовались четыре вооруженных бандита. Спрятавшись в ней, они подождали, пока приехавшие на работу сотрудники прошли в посольство, затем приставили дуло автомата ко лбу водителя Джо из местных, отобрали у него ключи зажигания, врезали ему по носу и угнали новенький микроавтобус японского производства.

Джо взбудоражил все посольство, объясняя, что минуту назад ему вмазали по носу и угнали микроавтобус. Позвонили в полицию, что, по большому счету, было бесполезно. «А где мой зам. по юридическим вопросам?» — сокрушался посол. «Он еще не приехал на работу,— доложили ему.— Должно быть, запаздывает».

Посол встретил его в мрачном расположении духа.

— У нас вот автобус угнали.

— А...— Клюев несколько побледнел, но не сробел.— На этот случай у нас предусмотрен целый комплекс мер, которые следует незамедлительно предпринять.

— Весь комплекс уже предпринят,— сказал Сюсюнкин.— А вы-то где были?

— Да вот будильник... И молодежь еще не совсем правильно себя ведет. Впрочем, автобус застрахован!

У всех отлегло от сердца, но ненадолго. Выяснилось, что застрахован он неправильно, на сумму, в четыре раза меньшую, чем следовало бы.

Страховкой в посольстве занимался третий секретарь Жутин.

...Жутин рос медленно, но верно и к сорока годам дорос до третьего секретаря. Он твердо усвоил: чем меньше делаешь, тем меньше ошибаешься. И не надо иметь собственного мнения, не надо досаждать им начальству. У начальства и так работы по горло. Третий секретарь был из глухого сибирского села, происходил из семьи крестьянина, то есть с анкетой у него было все о'кей, никакой семейственности и блата.

Только непосвященные люди думают, что дипломат — это человек коммуникабельный, мастер беседы. Это не всегда так. Жутин, например, был мастер молчания. На вопросы он отвечал либо «угу-угу», либо «ничего-ничего». Порученные ему задания делал скрупулезно и долго, так что у начальства создавалось впечатление, что он всегда занят. Документы писал трудно, предпочитал писать по вечерам и в выходные дни. Сюсюнкин это отмечал, ставил Жутина в пример: «Жутин всю субботу писал документ, а кое-кто был на рыбалке». А то, что те, кто в выходные ездил на рыбалку, писали в четыре раза больше и интереснее, Сюсюнкин упускал из виду.

Жутин никогда никого не приглашал к себе в гости, ни советских, ни иностранцев. В город для ознакомления с достопримечательностями и расширения кругозора не ездил. За несколько лет не заимел ни одного знакомого среди фулов или иностранных дипломатов. И все это ему записали в плюс, отметив в характеристике: «обладает усидчивостью».

Так вот, будучи человеком чрезвычайно исполнительным, он при очередном продлении срока страховки не так застраховал автобус. Накануне продления произошла очередная денежная реформа. Поскольку считать деньги в миллионах стало трудно, правительство решило ввести новые деньги, сняв с каждой купюры по два нуля. Одновременно со сменой старых денежных знаков на новые фулийский фунт был девальвирован в четыре раза. Жутин, исполняя указание посла продлить страховку на ту же сумму, просто снял со всех старых сумм страховки по два нуля, забыв при этом умножить новые числа на четыре. Таким макаром вместо двенадцати тысяч посольство получило страховку за угнанный автобус в размере трех тысяч долларов. Когда это выяснилось, посол очень расстроился.

— На какую сумму вы застраховали наш автобус? — спросил он Жутина.

— На ту же сумму, как вы и сказали,— радостно доложил тот.

— Это как?

— Снял со старой цифры два нуля.

— А на четыре умножить забыли? Это не останется без последствий!

Сюсюнкин сдержал слово. Жутину было объявлено устное порицание, Клюеву выделены деньги на приобретение нового будильника, младшим дипломатам строго указано на недопустимость опоздания на работу.

— Угу-угу,— сказал на все это Жутин.

Угон автобуса был лишь звеном в цепи криминальных происшествий. У Джо пропал велосипед — основное средство его передвижения с работы и на работу. Потом из запертой бытовой комнаты исчез общественный телевизор. После этого случая провели расследование, не давшее никаких результатов, и совещание, на котором всем было указано на необходимость усилить бдительность. Сразу после совещания украли прожектор, освещавший вход в посольство.

(Продолжение следует.)

*** Любые совпадения событийного, географического или иного характера являются чисто случайными *(прим. авт.)*.**

Фернан РЕЙНО (Франция)

МОЯ ВОЕННАЯ СЛУЖБА

Когда после окончания университета меня призвали отбывать воинскую повинность и поместили в казарму, я встретил там ребят, окончивших Высшие коммерческие курсы, инженеров из Гренобля, атомщиков, электронщиков, был даже один чистый математик.

Итак, нас собрали в казарме. Вокруг меня не затихали разговоры. Эйнштейн, Паскаль, галактики, искривление времени и пространства — о чем только не говорили! Я спокойно сидел у стенки и читал газету.

Но вот к нам подошел какой-то тип лет 50—52, весьма грозный на вид. Он выстроил нас во дворе казармы и закричал:

— Ну, вы, я — ваш старший капрал, и мне придется кое-чему научить всю вашу свору! Что такое радар, банда недоносков? Я втолкую это вам, в ваши тупые головы, потому что новой армии нужны грамотные люди. Потому что новая война, по счастью, будет атомной.

Затем он, запинаясь на каждом слове, стал объяснять устройство радара, вычитанное из школьного учебника. Электронщиков и атомщиков распирало от смеха. От него это не укрылось.

— Смир-р-рно! Ну, погодите! Вы у меня попляшете! Думаете, что все знаете?

Он ткнул пальцем в стоящего перед ним пузатого инженера из Гренобля:

— Ты! Сколько времени нужно, чтобы охладился после выстрела орудийный ствол?

— Может быть, я ошибаюсь, но я думаю... Положа руку на сердце... Три секунды!

— Нет! Ты!

— Мне кажется, минут пятнадцать.

— Нет! Ты! — Он заметил мою усмешку.

— А мне наплевать!

— Что?! Тебе... наплевать?!

— Именно, мой дорогой!.. Во всяком случае, чтобы ствол охладился как следует, надо его оставить в покое. И как можно дольше.

— Я — старший капрал и не люблю, когда интеллигенты-недоноски надо мной смеются! Я уже двадцать девять лет капрал! Я бы в этом году мог уже выйти в отставку!

— Мудрое решение!

— Ты мне это сказал?! Я воевал в Алжире, Индокитае, Джибути, на Мадагаскаре, в Марокко... Везде, где французы оставили по себе хорошее воспоминание...

Внезапно он побагровел.

— Кр-рру-гом!!.. Ша-а-гом маррш! Ать-два! Ать-два! На-пра-во! Пря-мо! Марш!

И тут я взорвался: «Стой! Ать-два!»

— О, смельчак! Браво! Кто крикнул, негодяи?!

— Немного спокойствия, капрал! Послушайте, вот уже два часа мы ходим по двору казармы. Вы говорите нам «вперед!», а потом «назад!», затем «налево!», а потом «направо!»! Это меня раздражает! Скажите откровенно, куда именно вы хотите, чтобы мы пошли, и я вас уверяю, что мы пойдем. Не так ли, друзья?!

— А ну, брюхом на землю! Лечь!

— Там грязно, а форму мне выдали только сегодня утром.

— Лечь! Брюхом!!

— Ну, довольно, или я пожалуюсь директору казармы, не помню, как его называют... Господин пулк... А, нет, господин полкан...

Я медленно пошел к директору.

— Господин директор,— сказал я ему.— Здравствуйте! Я не хотел вас беспокоить, но, послушайте, тут один тип во дворе казармы, и вы даже не можете себе представить, что он там вытворяет. Ему ударяет в голову, и он нам говорит «вперед!»... Мы, как овечки, идем вперед, а он нас опять тянет назад. Кругом! Напра-во!.. Он сам не знает, чего хочет. Наверное, он — псих. Вы бы лучше его арестовали, пока он не застрелил кого-нибудь.

Несколько странно поглядев на меня, он процедил:

— Восемь суток ареста!

— Я не злой человек, но, полагаю, он их заслужил.

— Не он — вы!!

— Что?

— Две недели ареста!

— Послушайте, господин директор... Я, наверное, плохо объяснил....

— Четыре недели ареста!!!

— Для кого?

— Пять недель!

— Мгм... Я хотел бы спросить...

— Шесть недель!!

— Ну, тогда...

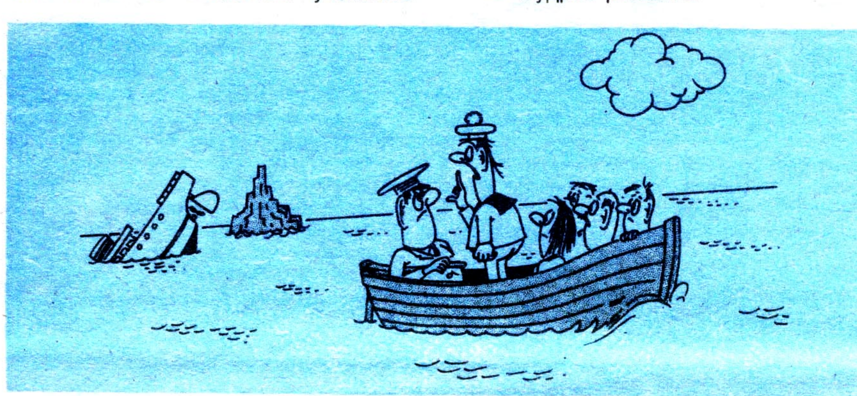
— Семь недель!

— Ну, я пошел.

— Девять недель!!!

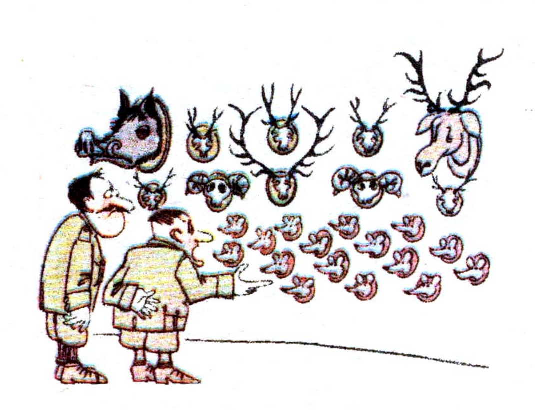
В результате получасовой беседы с полковником меня комиссовали из армии по причине полной умственной непригодности.

Перевел К. ВАЛЕРИ.

— Я ни на что не намекаю, господин капитан, но, думаю, будет лучше, если оставшуюся часть пути у руля буду я...

«Биллед бладет», Дания.

— В лесу все меньше и меньше становится диких животных. В прошлом году мы застрелили только вот этих.

«Дикобраз», Чехословакия.

— Я его держу, а ты бей по голове и, главное, ничего не бойся!

«Павлиха», Югославия.

— Извините, вы машинист этого поезда?

«Рейлуэй ревью», Англия.

ФОЛЬКЕР ФОН ТЁРНЕ (Западный Берлин)

(1934—1981)

Фолькер фон Терне родился в Кведлинбурге. Изучал педагогику и социологию. Редактировал журнал, который очень нравился студентам и гораздо меньше — властям, быстренько его запретившим. Тогда Фолькер ушел из редакторов в каменотесы...

Автор политических стихов, песен, баллад. В его творчестве ощутимо влияние поэзии Тухольского и Брехта.

Песнь о героях нашего времени

I

Торопитесь жить, друзья,
Жить да пировать...
Всем вам до небытия —
Лишь рукой подать:
Курт на поле брани пал.
Густав пил абсент.
Пауль слишком много знал.
Фриц курил свой «Кент».
Отто дрыхнул, как сурок.
Бруно был не в счет...
Эрвин сам спустил курок —
Кончил с жизнью счет.
Горевать нет смысла,
Двигайтесь к столу!
Неземные мысли
Лишь сгущают мглу.

II

Не копите впрок тряпья!
Тьмы не долго ждать.
Всем вам до небытия —
Лишь рукой подать:
Карл был истый донжуан,
Галстуки носил.
Полетел за океан —
В нем и опочил.
Бернд кичился тем, что смел.
Йозеф принял яд.
Сигизмунд в пролетку сел —
Давит всех подряд.
Наполняйте брюхо
Пивом и жратвой!
Снова смерть-старуха
В пляс пустилась свой.

III

Воздержитесь от вытья!
Что ворон пугать?!
Всем вам до небытия —
Лишь рукой подать:
Феликс пил настой из трав
И хребет сломал.
Рольф, с войны приковыляв,
О былом вздыхал.
Эрнст по глупости утоп.
Роберт в петлю влез...
Здесь любого вгонят в гроб —
Жизнь полна чудес!
Топайте в постели
Смело — кто куда...
Всех уже отпели...
Спите, господа.

Перевел А. БОГОМОЛОВ.

ПИСАТЕЛИ О СМЕХЕ

Смешно все то, что случается не с нами, а с кем-нибудь другим.

Джозеф ЭДИСОН.

Смех и улыбка — это дверь, через которую в нас входит вся человеческая доброта.

Кристиан МОРГЕНШТЕРН.

Ничто столь не отражает истинный характер человека, как звуки его смеха.

Джозеф КОНРАД.

Смех — веселье ума, улыбка — веселье сердца.

А. ДЕКУРСЕЛЬ.

На того, кто умеет рассмешить других, следует смотреть серьезно. Его обязательно знают власть имущие.

В. ФИНК.

Перевел Гр. ДУНДА.

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..

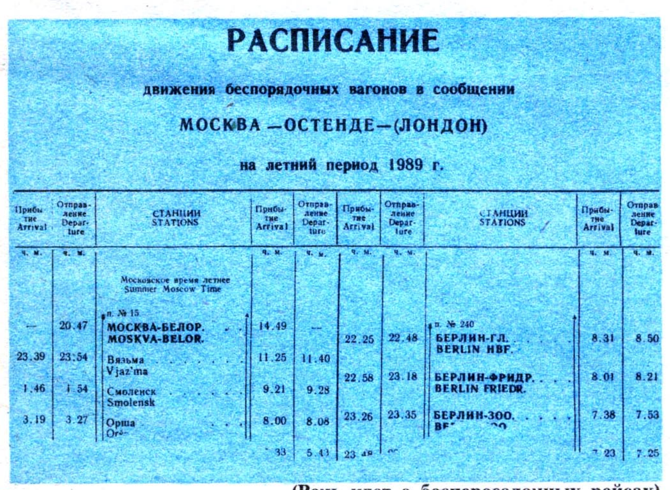
Василий БЕЛОВ

Одни притомились, другим надоело,
А он, продолжая «Привычное дело»,
Шагал вологодской своей бороздой
В «Деревне Бердяйка» «Над тихой водой».
Поскольку ж кругла, как известно, Земля,
То он потихоньку дошел до Кремля.
И нынче в столице с трибуны высокой
Ведет «Воспитанье по доктору Споку».

П. САНИН.

Дружеский шарж И. ЛОСОСИНОВА.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

РАСПИСАНИЕ

движения беспорядочных вагонов в сообщении

МОСКВА—ОСТЕНДЕ—(ЛОНДОН)

на летний период 1989 г.

Прибытие Arrival	Отправление Departure	СТАНЦИИ STATIONS	Прибытие Arrival	Отправление Departure	Прибытие Arrival	Отправление Departure	СТАНЦИИ STATIONS	Прибытие Arrival	Отправление Departure
ч. м.	ч. м.	Московское время летнее Summer Moscow Time	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.		ч. м.	ч. м.
—	20.47	п. № 15 МОСКВА-БЕЛОР. MOSKVA-BELOR.	14.49	—	22.25	22.48	п. № 240 БЕРЛИН-ГЛ. BERLIN HBF.	8.31	8.50
23.39	23.54	Вязьма Vjaz'ma	11.25	11.40	22.58	23.18	БЕРЛИН-ФРИДР. BERLIN FRIEDR.	8.01	8.21
1.46	1.54	Смоленск Smolensk	9.21	9.28	23.26	23.35	БЕРЛИН-ЗОО. [illegible]	7.38	7.53
3.19	3.27	Орша [illegible]	8.00	8.08					
			[illegible]	5.43	[illegible]	[illegible]		[illegible]	7.25

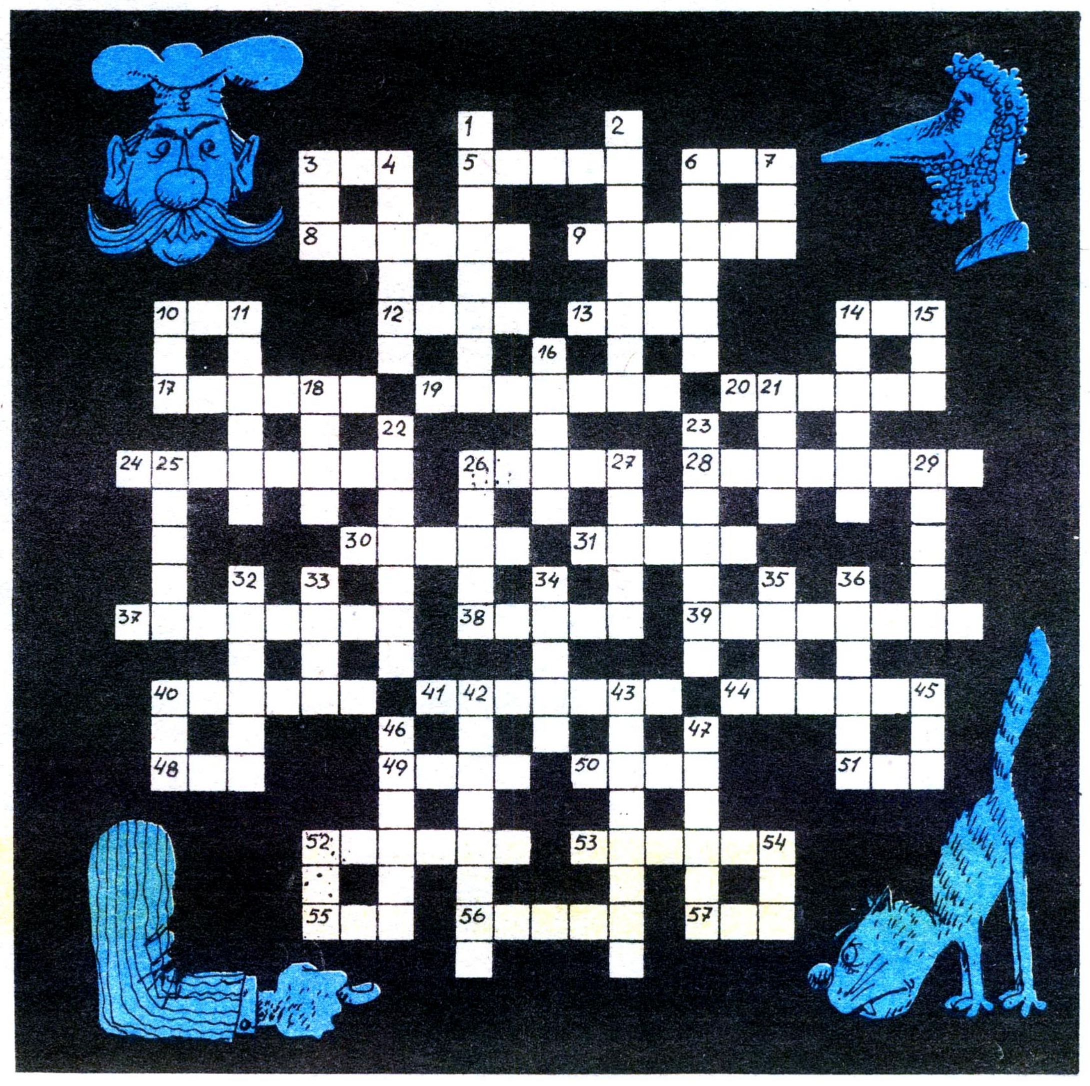
(Речь идет о беспересадочных рейсах).
Прислала Гринева, г. Москва.

«Объявление

Совет ветеранов приглашает тружеников, имеющих правительственные награды в годы Отечественной войны 1941—1945 гг.: «За боевые заслуги», «За доблестный труд», «За победу над Германией», «За победу над Японией» и за победу над другими городами-героями».

Прислала И. Хрянина, г. Москва.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Высшая часть высоты. 5. Неформальная налоговая инспекция. 6. Мастер красивого жеста. 8. Губительница *(косметич.)*. 9. Дикий санитар. 10. Ахиллесова пята царя Мидаса. 12. Голососборник *(избир.)*. 13. Переключатель скоростей *(гуж.)*. 14. Красноречивый показатель *(туристск.)*. 17. Заведение, где здоровье можно купить за деньги. 19. Битье как искусство. 20. Регулировщик производственных отношений в законе *(спорт.)*. 24. Вредная профессия *(А. Ивановск.)*. 26. Деталь костюма, ответственная за снижение производительности труда. 28. Борец за красоту, ломающий на этом зубы. 30. Огнестрельно-математический термин. 31. Солдатский химэлемент *(детск.)*. 37. Дальняя дорога, пиковый интерес *(театр.)*. 38. Коллектив, который периодически шерстят. 39. Замена железного занавеса прозрачным экраном. 40. Взятки в мире пчел. 41. Плоская шутка природы *(ихтиолог.)*. 44. Не бог *(послов.)*. 48. Физиологический застой. 49. Карманная форма протеста. 50. Учреждение, где носят на руках. 51. Выпускник кулинарного техникума, ушедший на мокрое дело. 52. Остаток одного языка в другом. 53. Подводный строительный модуль. 55. Отец-неудачник *(лит.)*. 56. Очень длинный тупик *(ж.-д.)*. 57. Предтеча деда Мазая *(библейск.)*.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Приятная нагрузка *(гименейск.)*. 2. Педагогическая удача. 3. Определитель прихода *(послов.)*. 4. Место встречи п.41 с п.51. 6. Экспресс-жребий. 7. Обалденно аленький цветочек. 10. Баснословный суп. 11. Место, где каждый божий день на дворе Пятница *(лит.)*. 14. Мазила еще до игры *(театр.)*. 15. Данайская штучка. 16. Упаковка *(чайно-балетн.)*. 18. Опечатанный негодяй *(библейск.)*. 21. Переходный период от шага к галопу. 22. Мгновенный герой *(кинемат.)*. 23. Официальное место действия п.48. 25. Основной род деятельности О. Бендера. 26. Наглядное пособие для обучения счету *(хулиганск.)*. 27. Процедура перевода дерева в древесину. 29. Молоко в оригинальной упаковке *(южн.)*. 32. Сосуд, чья бурная жизнь вошла в поговорку. 33. Джентльменский жест *(спорт.)*. 34. Гарантия против второго «Медного всадника». 35. Историческая женщина *(миф.)*. 36. Палочка, вынужденная ходить по струнке. 40. Наиболее выдающееся у Гоголя. 42. Иностранный участник черноморского круиза *(миф.)*. 43. Осеннее сокращение штатов в природе. 45. Речная варенка *(гастрономич.)*. 46. Военнослужащий, передвигающийся по диагонали. 47. Путь к созданию гармонии не в природе. 52. Населенный пункт с высоким уровнем жизни. 54. Звуковые колебания, носимые ветром *(кинолог.)*.

Составили С. СЫТИН, А. СУВОРОВ.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 31

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. ОСВОД. 7. Следователь. 8. Обман. 12. Кукла. 13. Радар. 15. Алиби. 16. Петровка. 17. Городовой. 18. Игла. 19. Пожар. 24. Вызов. 26. Малина. 27. Фоторобот. 28. Кузнец. 29. Кокарда. 30. Погоня.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Повестка. 2. Свисток. 3. Отпечатки. 4. Дело. 5. Адвокат. 6. Засада. 9. Бронежилет. 10. Кинолог. 11. Чичиков. 14. Регулировщик. 16. Пирог. 20. Жезл. 21. Пинкертон. 22. Потерпевший. 23. Наручники. 25. Конвой. 27. Факт.

«Мы заключили в колхозе договор с председателем, который по мере созревания будет снабжать нас дарами огородов и полей».

(Из доклада).
Прислал Н. Пшенин, г. Куйбышев.

«С целью рационального использования коечного фонда сократить сроки лечения до 22 к/дней».

(Из соцобязательств работников больницы).
Прислала Т. Исакова, г. Черновцы.

«Я, Писарев В. П., не был на работе 31.08.89 г. и 1.09.89 г. в связи с тем, что накануне просматривал передачу «120 минут» с участием Чумака. Я поставил стакан с водопроводной водой у экрана телевизора и по окончании передачи выпил ее и прилег отдохнуть. Проснулся лишь только в воскресенье 3 сентября 1989 г. Считаю, что в прогулах виноват Чумак».

(Из объяснительной).
Прислал Д. Мосин, Приморский край.

РЕКЛАМА? РЕКЛАМА? РЕКЛАМА? РЕКЛАМА?

РЕКЛАМА? РЕКЛАМА? РЕКЛАМА? РЕКЛАМА?

ЗА УМЕРЕННУЮ ПЛАТУ

инвалид **П. МЕТАЛЬНИКОВ** приглашает руководство Серпуховского мотозавода прокатиться на выпущенной им инвалидной мотоколяске. Собранный на заводе механизм коляски состоит из двигателя от мотоцикла «ИЖ-Планета», стартера от «Запорожца» мощностью 30 л. с., заднего моста грузового мотороллера и реле от автомобиля «ЗИЛ-164». Все это благодаря вибрации, производит неизгладимое впечатление.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНО ОСВЕЖИТ

вашу память одеколон «Гигиенический» производства краснодарской фабрики «Сувенир». Его запах тут же вызовет у вас приятную ностальгию по когда-то популярному, а ныне исчезнувшему одеколону «Тройной». «От знаменитого «Тройного» новинку отличает лишь тройная цена» — так отметил достоинства «Гигиенического» **В. МАРТЫНЕНКО** из г. Гомеля.

Диван-кровать
ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ СПИТ,

выпустило Ростовское ПМО имени Урицкого. Едва страдающий бессонницей покупатель приляжет на диван-кровать, как у изделия лопаются все крепления и полуночник падает на пол.

«Сборка дивана-кровати избавит вас от томительного ночного бездействия до самого утра»,— гарантирует читательница Г. ШЕЛКОПЛЯС из Иркутской области.

ВНИМАНИЮ РЭКЕТИРОВ

Г. ЛОМАКИНА из Перми сообщает: в продажу поступили регуляторы давления газа РДСГ2-10 Кокчетавского завода. Несмотря на двухлетний срок гарантии регуляторы выходят из строя в первый же день, создавая взрывоопасную обстановку в любой обстановке.

В отличие от остальных видов оружия изготовление и хранение регулятора РДСГ2-10 пока не преследуется законом.

НАЙТИ И ОБЕЗВРЕДИТЬ

изготовителя игрушки «Револьвер детский». Конструкция изделия такова, что, стреляя, играющий рискует поранить себе лицо.

Особые приметы оружия: ОСТ 17-296-75. ТО 17-04-95-83, арт. 3-сг.

Изготовитель скрывается среди предприятий города Севастополя.

В. СВЯТОВ, Калининградская обл.

ТЕМНО-СИНИЕ КРОССОВКИ обувной фабрики г. Лида Гродненской области незаменимы для сбора грибов в сырую погоду в незнакомом лесу, утверждает наш читатель из г. Речица **Н. КОВАЛЕНКО.**

Если вы заблудитесь, не отчаивайтесь. От сырой травы кроссовки линяют, и по их ультрамариновым следам вы спокойно вернетесь домой — с полной корзиной.

Город Грозный ищет поставщика плавающих троллейбусов и автобусов, так как, например, проспект Ленина после иного дождичка превращается в реку. Оплата гарантируется.

Фото Е. ПЕСЧАНСКОЙ.

«ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ!»

девиз бригады мастеров Минского часового завода, возглавляемой мастером В. Мурашко. Следуя ему, бригада изготовила часы «Электроника-5» (стоимостью 50 руб.) таким образом, что их ремонт обошелся Т. ГРИГОРЬЕВОЙ из Талды-Кургана в 40 рублей.

Правда, деньги за это платит не бригада умельцев, а покупатель.

90 р

РЕКЛАМА? РЕКЛАМА? РЕКЛАМА? РЕКЛАМА?

30 коп. Индекс 70448.